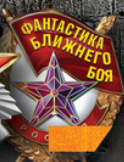

**АЛЕКСЕЙ
ВОЛКОВ**

**СЕГОДНЯ
ВОЙНА**

Алексей Алексеевич Волков
Сегодня война
Серия «Враг у ворот.
Фантастика ближнего боя»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6218844
Волков А. А. Сегодня война : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-66387-3

Аннотация

Мировая война началась на Ближнем Востоке. Мусульмане, проживающие в Европе, поддержали единоверцев. По Евросоюзу прокатилась волна террористических актов. Потом в немецком городе Кельне грянул атомный взрыв. Привычный мир рухнул... В огне разгорающегося мирового конфликта Россия не могла остаться в стороне. Новые, исповедующие либерализм власти спешно объявили мобилизацию и начали собирать ополчение. Задача по превращению в солдат разношерстной толпы мужиков, большей частью даже не отслуживших срочной, легла на плечи отставного капитана-десантника Александра Карпова. В его распоряжении были считанные дни. А его рубеж обороны должен был стать последним...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	16
Глава вторая	29
Глава третья	42
Глава четвертая	57
Глава пятая	77
Глава шестая	90
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Алексей Волков

Сегодня война

Пролог

Интересно, есть ли еще такой город на свете, в котором, выходя с вокзала, едва не упираешься в кафедральный собор? Метров пятьдесят считать расстоянием невозможно. Тем более когда громада величественного сооружения возвышается над землей на полторы с лишним сотни метров, и даже обозреть в упор ее элементарно не получится. Как, в соответствии со словами поэта, не увидеть лица лицом к лицу.

Величественная картина. Дух захватывает от монументальности сооружения, и поневоле хочется уверовать в Бога. Умели же строить! Даже американские бомбы во времена Второй мировой не смогли разрушить, хотя бомбили союзники по собору основательно, с присущей англосаксам тягой к разрушению. Как будто это было военное сооружение и от его существования зависел окончательный исход затянувшейся всемирной бойни.

Может, где и есть еще такой город, но Павел Белявский не видел. Хотя и помотался по свету, и по Азии, и по Европе. Прежде – согласно предписанию начальства, потом – в по-

исках лучшей доли. Перестройка, будь она неладна, сломала беспокойную и в то же время размеренную жизнь, в которой все уже было предрешиено. Двадцать пять лет – и на пенсию. Даже двадцать один, считая края, в которых год шел за три. Кто ж знал о грядущих переменах и что до вожделенной пенсии тянуть и тянуть, не ведая: доживешь ли? Да и без пенсии – куда оно катится?

Странная штука – судьба.

– Паша! Эй!

Оказывается, Белявского встречали. Друг Исмаил собственной персоной. Постаревший, борода почти вся седая, лишь кое-где мелькают черные волосинки, как всегда, серьезный, но – призывно помахивающий рукой.

Обнялись, и Исмаил кивнул в сторону поджидающего автомобиля.

– У меня время появилось. Думаю, взгляну на друга, узнаю, как съездил, – поведал приятель, усаживаясь на водительское сиденье и указывая Белявскому на место рядом с собой.

По-русски Исмаил говорил почти чисто. Неудивительно: очень давно, в другую историческую эпоху он закончил Рижскую школу милиции. Послужил в царандое, потом, в результате какого-то конфликта с властями, ушел и довольно долго был в определенной оппозиции к правящему режиму.

Приятель тронул машину, вырулил с привокзальной площади.

– Домой, шурави?

– Слушай, дух, давай где-нибудь кофейку попьем.

Остановились у какого-то небольшого кафе. По летнему времени столики стояли на веранде, но тут был еще старый город, и казавшиеся сказочными домики умудрялись отбрасывать столько тени, что солнца было и не видать. Да что там солнца! Над крышами не было видно даже верхушки не столь далекого отсюда собора. Того самого, Кельнского, хотя в городе хватало и других культовых сооружений. Но прочие назывались по именам святых, а этот – по имени города. Или город по его имени, тут Белявский мог все напутать.

– Непокойно в городе, – вздохнул Исмаил, проводив взглядомдвигающийся мимо полицейский патруль. Стражи были в полной амуниции, при оружии, да и количество стражей порядка говорило об определенной тревоге. – Ночью взрывы были, стреляли... Совсем как в моих краях. Помнишь, шурави?

– Еще бы! – хмыкнул Павел. Разве можно не помнить чужую страну, где довелось побывать в молодости? Даже если хочется забыть, все равно ведь снится порою. – А в Москве все успокоилось. Почти мирная жизнь. Хотя полиции и войск на улицах тоже полно.

– У нас веселее. В Кельне еще не так, но в других городах ночью власти совсем нет. Европейцу во многие кварталы лучше не заходить. Очень наши обиделись за нынешнюю войну. Еще не джихад, но весьма похоже. Не советую появ-

ляться в наших кварталах. Не советую.

– Следовало ожидать. К тому и шло, и только дурак мог думать, будто все обойдется.

– Как поживает туран Карпов? – сменил тему Исмаил.

Вообще-то, Карпов в те давние времена не был капитаном, или тураном на фарси, а всего лишь свежеиспеченным старшим лейтенантом, но повелось как-то, по занимаемой должности, что ли?

Действительно, странная штука – судьба. Командование тогда ненадолго поменяло батальоны, и второй, в котором служили командир взвода лейтенант Белявский и его ротный старший лейтенант Карпов, встал на заставах. Самое спокойное время за два года пребывания там. Ближайшая банда во главе с Исмаилом считалась дружественной, даже порою навещали друг друга, этакое подобие идиллии. А затем – опять батальон стал рейдовым, и какой там покой?

Снова встретиться довелось в Германии. Павел как раз бедствовал в поисках работы и вдруг наткнулся на старого не то приятеля, не то врага. Исмаил вскоре после вывода тоже покинул родину, не стал ждать дальнейших разборок и после странствий сумел обосноваться в Кельне. Даже стал во главе небольшой фирмы по перевозкам. Помог по старой памяти, пристроил к себе. Теперь-то бывший офицер работал самостоятельно, владел ремонтной мастерской, благо знал толк в технике.

Два человека на чужбине... Впрочем, тут хватало и тур-

ков, и русских, и еще многих и многих. Двадцать первый век на дворе, пора забыть о нациях и религиях. Но в отличие от многих нынешних знакомых, этих двоих крепко связывало общее прошлое.

– У ротного проблемы, – поведал Павел, сделав первый глоток. Хотелось закурить, однако в цивилизованных краях уже давно вовсю бушевала борьба с курением. Якобы оно чрезвычайно вредит здоровью. Но – одновременно – потихоньку официально разрешалась наркота. Легкая – уже полностью, а в ближайшие полгода ждали законопроекта о полной легализации любых наркотиков.

– Что стряслось? – За соседним столом обосновалась парочка мужчин, весьма жеманных, не являвшихся мужиками в строгом смысле слова, и бывший душман брезгливо поморщился. Не терпел он пидоров, как, впрочем, и бывший шурави.

– Он в Египет отправился отдохнуть, когда там... – бывший офицер красноречиво умолк. Что творилось сейчас в Юго-Восточной Азии, было известно без подробных рассказов. – Едва выбрался, а его шеф, кстати, тоже из наших, бывший боец из третьего взвода, до сих пор в итоге лечится. В общем, вляпались по самое... Выбирались со стрельбой и приключениями, да и потом пришлось не сладко. От тех краев и до наших путь не близкий. Как живы остались, даже сказать сложно.

– Аллах милостив. Мы с тобой не поубивали друг друга,

шурави.

– Не поубивали, дух. – Нет, кофе без сигареты не приносит удовольствия.

– Что ж, рад, что они вернулись. Туран Карпов – настоящий мужчина. Впрочем, вы все были достойными противниками. В отличие от этих, – Исмаил брезгливо указал глазами на парочку извращенцев.

Мельчает народ...

– Поехали ко мне, – предложил Павел, вернее, уже давно Пауль, вставая. – Посидим, поговорим еще... Надеюсь, ты сегодня свободен?

– Для тебя – всегда, – Исмаил тоже встал.

Как раз в этот момент и произошло. Главного Белявский, на собственное счастье, не видел. Он стоял вполоборота к собору, вернее, к направлению на него, и уже делал первый шаг к машине, когда в той стороне что-то полыхнуло настолько ярко, что если бы смотрел, точно остался бы слепым.

Странная вещь: армия. Даже когда годы службы далеко позади, что-то из вбитых навыков не исчезает. Мозг не реагирует, элементарно не хватает времени на появление мыслей, зато срабатывают рефлексy. Павел не успел ничего понять. Он просто машинально упал, как учили, ногами в сторону взрыва, и притом еще успел сбить с ног Исмаила, заставил его упасть рядом.

Зря они задержались, польстились на кофе. Могли бы уже

находиться намного дальше, в местах относительно безопасных. С другой стороны, если бы все случилось пораньше, в момент прибытия поезда или сразу после него... Так что могло быть и лучше, и хуже, а произошло так, как решила судьба. Против которой не попрешь. И все-таки побороться с ней порою возможно.

Кто-то дико и страшно закричал. Может, взглянул на царящий в эпицентре пламень. Но то были еще цветочки. Мелочи в сравнении с дальнейшим, неизбежным согласно законам физики.

Когда-то пять поражающих факторов ядерного взрыва проходили в школе. Потом вероятность всеобщей глобальной бойни посчитали сошедшей на нет, и молодежь не узнала о том, что может вызвать к жизни человеческий гений. Теперь им предстояло ощутить всю пятерку на собственной шкуре, да с учетом, что эти ощущения для многих станут последними в жизни.

Удар был страшен. Словно некий великан дунул во всю мощь гигантских легких. Хотя куда там какому-то великану! Вроде всего лишь воздух, однако ударная волна пронеслась, снося стекла и крыши, бросая ополоумевших людей в стены, круша и ломая все на своем пути.

Что-то больно ударило Белявского в спину и по ногам, по ушам дало так, словно голова оказалась между молотом и наковальней. Даже попыталось проволоочь по асфальту, но трудно проделать подобный трюк с лежащим человеком. Да

еще когда дома вокруг хотя бы немного прикрыли от бешеного порыва воздуха.

А потом все прошло. Резко, как и началось. Не все, разумеется, последствия остались, да и помимо волны должно было возникнуть многое, но хотя бы появилась возможность встать на ноги. Или, что вернее, немного приподнять голову и оглядеться.

Оглушило так, что звуки куда-то напрочь ушли из мира, будто их никогда не было на грешной Земле. Даже непонятно было, жив или нет. Кто знает, что ждет нас на том свете? Хотя там не должно быть боли. Следовательно...

Вокруг был форменный ад. Может, заслужил бывший офицер Ограниченного контингента посмертное пребывание именно в таком месте, да только не походило происходящее на загробную жизнь. Скорее – на страшную смерть по эту сторону извечного барьера.

Неподалеку, на территории открытого кафе, в луже крови корчился один из извращенцев. Его возлюбленный в растерянности сидел рядом, баюкая не то ушибленную, не то сломанную руку, и, похоже, что-то шептал. Или – кричал. Белявский не слышал ничего, кроме гула в собственных ушах.

Вообще, крови было много. Витрина все того же заведения рухнула на оказавшегося некстати рядом посетителя, и теперь там валялось чье-то окровавленное тело. Какие-то кучи тряпья торчали под обломками рухнувшей крыши. Кажется, крыши, стены, пусть и разваленные, выглядят иначе.

Сознание плыло, потому Павел был не уверен в собственной адекватности.

Тела лежали и дальше. Но кто-то вставал, кто-то пытался встать, а кому-то подняться было уже не суждено. Страшным штрихом в сектор зрения попала какая-то женщина у стены, чья голова треснула, словно перезревший арбуз, и желтое на плитках тротуара перемешалось с красным.

Исмаил шевелился рядом. Одежда на его спине была порвана и местами немного пропиталась кровью, но вот враг-приятель приподнялся, обернулся и вздрогнул, будто там картинка была еще более ужасной. Уже севший Белявский невольно посмотрел туда же и обомлел.

На черном клубящемся фоне в небе вырастал огромный черный же гриб. Его основание находилось примерно в районе собора, а шляпка поднималась выше и выше, приходилось задирать голову, чтобы посмотреть, где же она заканчивается и заканчивается ли вообще?

И тут скачком пришло понимание. Учили же, пусть, к счастью, теоретически, но уж узнать атомный гриб Павел мог. И по описаниям, и по хронике. Даже поражающие факторы перечислил бы до сих пор без запинки. Но тут не перечислять требовалось – действовать, пока не схлопотали несовместимую с жизнью или просто со здоровьем дозу, и даже боль понимающе приутихла.

– Пошли! – Своего голоса Павел не услышал.

Он потянул приятеля следом. Туда, где стояла машина.

Вроде целая, если не считать покрывшегося сетью трещин стекла на передней дверце и откуда-то взявшейся вмятине на крыше, да это уж точно мелочь в сравнении с мировой революцией. Друг Исмаил все ошарашенно мотал головой, никак не мог взять в толк, что произошло. Потом вдруг попытался шагнуть к одному из шевелящихся тел. Посмотреть ли, помочь, не столь важно. Смотреть не было времени и смысла, помочь всем вдвоем невозможно. Лишь сам схватишь некое количество рентген и будешь потом завидовать мертвым.

Больше всего Павел боялся, что машина не заведется. Электромагнитный импульс, черт бы его побрал! Хотя он уже должен миновать, исчезнуть. Импульс все-таки, не постоянное поле. От взятой у Исмаила связки ключей с заветным брелком ничего не произошло. Двери оставались закрытыми. Напрасно Паша раз за разом нажимал на кнопку да то приближал, то отдалял руку в поисках нужной точки. Наконец, сообразил, обогнул автомобиль с другой стороны, где стекло было опущено, разблокировал дверь вручную, сам плюхнулся на место водителя, потянул Исмаила рядом с собой.

Хорошо, дальше можно было вставить обычный ключ без всяких хитрых наворотов. Поворот, и – о чудо! – сквозь утихающий гул в ушах пробился звук заработавшего мотора.

Слух вообще явно восстанавливался. Подумаешь, оглушило! Далеко не самое страшное. Страшен все еще растущий гриб и все, что он несет. А всякие порезы, синяки, шу-

мы – такая ерунда.

– Кто-то рванул атомную бомбу! – прокричал Белявский, осторожно трогая автомобиль прочь.

– Ваши? – Вот, даже ответ уже слышно.

Под «вашими» подразумевалась давно покинутая Россия, словно до сих пор продолжалось равное по силам противостояние двух мировых сил.

– Нашим не с чего. Да и били бы не по мирному городу, – проорал бывший офицер.

Ехать было трудно. Груды битого стекла, черепица, куски дерева и поваленные деревья, стропила с крыш, и тела, тела, тела... Приходилось объезжать, постоянно лавировать, пытаться никого не зацепить. А позади, Белявский обернулся, бушевал огромный пожар, и еще десятки, а может, сотни мелких пожаров вспыхивали поодаль от эпицентра.

Но по мере удаления количество лежащих тел уменьшилось, а затем почти сошло на нет. Меньше стало и разрушений. Теперь появилась возможность прибавить скорость, направить машину в сторону домика на окраине да молить про себя судьбу, чтобы супруга находилась дома. Навстречу не попало ни одной пожарной машины, ни одной кареты «Скорой помощи», даже полиция куда-то исчезла. Да, кто-то обязан идти в огонь, спасать, рискуя собственной жизнью, и рисковали бы, если бы речь шла об обычном пожаре. Но только не об ужасных силах, вдруг пробудившихся где-то в районе одного из самых высоких европейских соборов.

Какая разница, кто, как и почему? Важен результат, а остальное обязана решать армия. Если враг – давать отпор, если авария... Какая авария в храме?!

– Когти надо рвать!

– Что? – Исмаил не понял оборота.

– Убегать отсюда надо! Хватать семьи – и куда глаза глядят! Это же атомный взрыв! Мы без того рентген уже схлопотали!

Попутно попробовал позвонить по мобильному, но там лишь трещало да гудело, что-то явно нарушилось с сотовой связью, и осталось лишь гнать и гнать. Не успеть, так хоть вывезти семью пораньше. И еще забрать близких Исмаила. Хорошо, живет он не слишком далеко, вдобавок, просто в сторону, если брать от эпицентра, а дома должны быть два автомобиля, и можно будет оставить этот, уже наверняка радиоактивный, и дальше двигаться на еще чистых, не побывавших в опасной близости от зловещего гриба.

Вот уж не думал...

Глава первая

Ротный был зол. Он добросовестно пытался исполнять свои обязанности, появлялся повсюду, иногда воздействовал личным примером, раз слова не помогали, и все равно, толку было мало. Старший лейтенант служил пять лет, прекрасно осознавал: количество идиотов разных мастей и разного уровня всегда зашкаливает, но впервые мог убедиться в этом воочию на примере доставшейся ему роты. Какое-то умение и смекалку могли проявить лишь члены патриотических организаций да успевшие отслужить мужики. Все прочие, всевозможные сисадмины, менеджеры, страховые агенты, короче, вечные мальчики, весьма приспособленные к суррогатной жизни городов и ничего не умеющие в реале, являлись скорее обузой, пушечным мясом, обыкновенным навозом. Даже лопату большинство толком держать не умели, копали же – словно в песочнице играли.

– Так... Па-чему расселся? – в очередной раз крикнул ротный на широкоплечего чуточку узкоглазого парня, выбравшего для несвоевременного отдыха некое подобие позы лотоса.

Провинившийся, кажется, даже не понял, почему на него кричат.

– Сейчас передохну, – заявил парень, по возрасту давно обязанный быть мужчиной.

Из-за спины старлея выступил его заместитель. Между прочим, доброволец. Едва не старше любого в подразделении, а то и в батальоне, бывший капитан иной, еще советской, армии, миновавший строевой возраст и, тем не менее, порою дающий фору молодежи. Погон с пуза капитан сорвал, заявил, что плевать хотел на любую моду, а вместо берцев, к удивлению многих, сразу взял себе сапоги. Точно так же он и не подумал расстаться с небольшой бородкой, отчего был похож на офицера царского.

Верхняя губа капитана презрительно искривилась, а голос отдал металлом.

– Встать, либераса твою мать! Доложить, как положено!

Парень невольно поднялся. Лицо стало растерянным. Не привык к подобному грубому обращению.

– Сергей Серанцев.

– Мне на твоё имя глубоко наплевать, – сообщил капитан, – рядовой Серанцев. Понятно? Не то мигом в Засранцева перепису. И кем ты был в прежней жизни – тоже. Дисбата нет, штрафбата нет. Расстреляю сейчас перед строем в назидание прочим придуркам к чертовой матери. За пререкание с командиром и отказ выполнять приказ в боевой обстановке. Все равно не жалец. Тот, кто не слушает опытных людей, на войне долго не живет. Как стоишь? Смирно!

По глазам пожилого чувствовалось – этот убьёт. И никакие раскаяния мучить его не будут.

– Кто разрешил перекур?

– Я не курю. – В последний раз Серанцев попытался держать фасон.

– А кто не курит, тот работает, мать твою столько раз и в таких позах... – После чего последовал набор ругательств, новых даже для ротного. – Сержант!

На голос примчался и сержант, и взводный лейтеха. Последний – молодой, прошлогоднего выпуска, да и то немедленно ушедший из армии в гражданские структуры и лишь теперь вновь призванный в ряды.

– Почему люди бездельничают? До следующего заката дожить не хотят? Персонально этому мудаку – после окончания окопов вырыть яму два на два и доложить. Сроку на все – до заката. Не успеет – будет копать всю ночь противотанковые рвы. В одиночку или с такими же идиотами. Лично проверю. Время пошло!

– Спасибо, Александр, – тихо сказал ротный. Неудобно называть заместителя по званию, если оно выше твоего. А от отчества капитан отказался сам. Только время терять на более длинную фразу.

– Не за что. Их на место не поставишь, на голову мгновенно сядут. И уже не сковырнешь. Сейчас начнут жаловаться на мозоли, попросят перчатки, а лучше – экскаватор. Хотя на таких пахать и пахать. Навоюем с ними. Имел недавно один опыт. – Офицер горько улыбнулся.

– Навоюем. И техники ни хрена, – сплюнул от досады ротный. – Оружие – и то старье.

По обе стороны дороги бойцы рыли окопы. Другим ротам повезло больше, а тут – вот она, магистраль. По ней и попрут. И хоть какое-нибудь кадровое подразделение дали в поддержку!

– Техникой еще пользоваться надо уметь. За три дня все равно не научишься. Меня другое беспокоит. Наверняка позиции уже срисовали. Как бы не ударили с воздуха уже сегодня.

– Так... С воздуха нас прикрыть обещали. Где-то позади зенитные дивизионы стоят, – без особой уверенности сообщил старлей. – Опять, авиации у них здесь почти нет. В общем...

– Тогда ладно. Будем надеяться, – вздохнул Александр.

Позиция была аховой. Случайная черточка на карте, ничем не лучше ни тех, что позади, ни тех, что впереди. Сколько тут удастся продержаться? Минуты... Да и в позиции ли дело? Любую оборону можно прорвать, приложив определенные усилия. Хороший артобстрел, удар с воздуха, массированное применение техники... Единственная польза от грядущего – выигрыш во времени. Один рубеж, другой, а в тылу формируются новые части, переформируются остатки старых, а сравнительно укомплектованные получают возможность самим перейти в наступление, ударить противника с фланга ли, с тыла.

По шоссе еще иногда ездили. Большей частью – оттуда, со стороны врага. Очень редко – туда. Не в смысле, к врагу, так

ведь до него, если верить штабу, еще с сотню километров. Было, теперь наверняка меньше, и хорошо когда раза в два, а если в три-четыре?

– Копайте, когда жизнь дорога! – почти подражая Александру, заорал ротный. – Чтобы вас всех здесь потом не закопали!

Две БМП-2, старенькие, выдавшие виды, единственная боевая техника роты, стояли подальше в лесу под прикрытием деревьев. Сплошная импровизация, никакой науки. Да еще противник наверняка уже отследил и движение сюда, и создание позиции. Даже без воздушной поддержки – развернется чуть загодя и устроит небольшую артподготовку.

– Не этот за нами? – Из леса послышался гудок машины.
– Наверняка.

Оказалось – не машины, а грязноватого, изначально покрашенного в белый цвет «Неоплана». Новое командование отнюдь не было дураками и старалось сделать все возможное в весьма хреновых обстоятельствах. В том числе – в плане маскировки. Кто обратит внимание на обычный рейсовый автобус? Привычную жизнь пока никто не отменял, как никто официально не объявлял войны. Только как назвать происходящее?

Салон был изрядно заполнен. Тут был и комбат, и полковник, и какой-то неизвестный довольно старый генерал, еще какие-то офицеры... Даже десяток солдат охраны, не каких-то там ополченцев, нет, судя по хватке, бойцов спецна-

за. Этакие «типичные» пассажиры, которых на любой дороге встретишь, на каждом автовокзале столкнешься, на стоянке обязательно углядишь. Но что еще делать?

– Поехали.

Автобус шустро покати́л вперед. За окнами проплывали обычные пейзажи. Поля, перелески, иногда – какие-то крохотные деревеньки вдали, даже не скажешь, обитаемые еще или нет. Лишь пару раз у обочины попались остовы сгоревших автомобилей, прежде – какой-то легковушки, а дальше – грузовика. Кто их уничтожил, может, потерпели аварию сами, – никто из пассажиров особо не интересовался. Видали гораздо худшие вещи.

Впрочем, поездка оказалась недолгой. Километрах в семи от намеченной позиции автобус остановился прямо в лесу, и офицеры дружно двинулись на выход. Проворно вступили под прикрытие деревьев, проследили взглядом за удаляющимся «Неопланом», а спецназовцы уже шустро разбежались в стороны, обеспечивая охрану начальства.

– Товарищи офицеры! Времени у нас мало. Через сорок минут автобус сделает ложный крюк и вернется. Потому все делаем быстро, – объявил полковник, не забыв перед тем вопросительно посмотреть на генерала.

Вводная давалась на ходу. Нынешняя позиция была ложной, настоящая же будет здесь, намного ближе к надвигающемуся неприятелю. Лишний шанс упредить врага, ударить еще до развертывания в боевые порядки. Поэтому возвести

ее требовалось ночью, на самой опушке, со всеми соответствующими требованиями маскировки.

– Саперов я вам дам. Набросают мин перед вами. Поддержку тоже обещают, однако значительно позже. Постарайтесь продержаться хотя бы до вечера. Там подойдут резервисты. У них и подготовка лучше, и техника кое-какая будет. Плюс – возможно, удастся договориться о присылке каких-то подразделений ПТО. Может, помогут летуны. В ваших интересах будет работать артгруппа. Главная задача – выиграть время.

Наверное, самая невеселая задача на войне.

– Так... – протянул ротный. – Что делать будем?

Основная группа двинулась к предполагаемым позициям других рот, и два офицера остались одни.

– Для начала – перейдем на «ты». Хотя бы вне строя.

– Договорились. Дмитрий, – улыбнулся старлей. Улыбка у него была доброй и немного грустной.

Мужчины обменялись рукопожатием.

– Держаться будем. Что еще остается? – Александр внимательно всматривался в пейзаж. – Но день – это командование загнуло. Раскатают по полной. Несколько часов наш максимум. С последующим отходом. Если уж кадровые откатываются, нам простоять подавно не светит. Ладно. То дела общие, а нам сейчас конкретное требуется. Дашь мне одну бээмпэшку, гранатометчиков, и отправлюсь я вон в тот лесок. Видишь? Как раз с фланга окажемся. Пока с фронта

их держать будешь, я им небольшой концерт устрою.

– Но это же... – протянул ротный. Он уже прикинул вероятные шансы на возвращение.

– Ерунда. В борт бить по-всякому сподручнее. А остальное – как карта ляжет. Я тут недавно из такой передряги вышел – теперь двести лет жить буду. Да и самоубийство согласно религии – грех. Пошумим и смотаемся. Все какое-то время выиграть удастся.

Иного пути, похоже, не было. Лобового удара роте было не выдержать. Если бы бойцы были кадровыми, если бы рота была укомплектована техникой по штату, если бы имелось усиление в виде ПТО, если бы с ними был хотя бы танковый взвод... Сплошные «если бы». А вместо них – наскоро собранное ополчение, и трое из четверых оружие в руках держали впервые.

Любое дело не любит непрофессионалов, только в военном цена дилетантства чересчур велика.

Дмитрий несколько долгих секунд смотрел на заместителя, а потом вынужденно кивнул.

– Ладно.

– Тогда давай я останусь. Все равно кто-то один должен выбрать основные и запасные позиции, ориентиры, пути отхода, прочее... А ты пока солдатиков подроочишь. В темноте еще напортачим на свою беду... – Александр извлек из кармана пачку сигарет, протянул ротному.

– Не курю.

– Наверно, правильно. Я все бросить не могу, а теперь стоит ли? Сейчас с начальством переговорим. С небес если заметят, вряд ли обратят особое внимание на одиночку. Мало ли нас, таких, сейчас шатается...

Доводы капитана были резонными. Настолько, что даже вернувшиеся старшие офицеры не обнаружили в них изъяна. Даже добавили за компанию еще пару человек – по одному на остальные ротные опорные пункты. Но тем, согласно уставу, раздел «В обороне», надлежало находиться сравнительно далеко...

Александр занимался делом тщательно. Намечал удобные укрытия, проверял обзор, затем выходил на дорогу, смотрел, как выглядит с этой стороны. Что-то браковал, что-то оставлял, затем старательно выбирал пути между позициями, так, чтобы перебраться по ним можно было бы незамеченным. Мелочей в таких вопросах не бывает. Считать врага неумелым глупцом нельзя. За ним на данный момент и лучшая подготовка, и лучшая техника. Еще ладно, что, по данным разведки, подразделений спецназа по ту сторону практически нет, непредусмотрительно отправлены на юг. Но и обычные сухопутные силы против ополчения – это нечто. Задача фланговой засады проста – нанести максимальный урон за счет внезапности, после чего попытаться отойти к основным силам.

На душе было спокойно. С собой автомат, старенький

«АКМ» еще калибра семь шестьдесят два со связанной по привычке парой магазинов, еще две такие же связки хранятся в разгрузке. Имеются гранаты, а для мирного бытия – фляга с водой, несколько карамелек, сигареты. Даже блокнот с шариковой ручкой. Чего волноваться зря? С танком при желании не справишься, зато от него можно спрятаться. Да и появится ли здесь сегодня вражеский танк?

Словно отвечая на мысли, впереди очень далеко послышался раскат грома. Того, который к настоящему грому не имел ни малейшего отношения. Затем – еще раз, и еще. Насколько было известно капитану, там дрались подразделения внутренних войск. Немногочисленные кадровые армейские бригады были повыбиты в первые дни. И из-за собственной слабости, и из-за отсутствия нормальных функционирующих штабов. Причин много, просто какой толк перечислять их? Еще хорошо: режим боялся собственного народа больше любого агрессора, и внутренние части оказались больше созданных для войны с врагами. Теперь они тоже наверняка доживали последние часы. Никто же не предполагал у бунтующих толп наличие танков и бронетехники. Да еще вкуче с артиллерией и авиацией. Даже слабой количественно.

Судя по отдаленному грохоту, бой шел нешуточный. Ничего. Сколько до темноты осталось? Тени уже удлиннились, еще немного, и между деревьями опустится мгла. А там она падет на прочий мир, сделав перерыв в нынешней страде.

Ну, вот. С делами покончили, можно посидеть, покурить, подождать подхода очередного пушечного мяса. Александр понимал нынешний ход властей прережающих. Лишившись подготовленных людей, начальство старалось закрыть брешь наскоро сколоченными подразделениями из людей случайных. Пусть полягут хоть все, только дадут время для воссоздания новых, уже настоящих, воинских контингентов. Обидно попасть в оцепь, да есть ли иной выбор?

В случае с Александром был. Он вообще уже вышел из строевого возраста, и никто не имел права гнать его на убой. Просто жизнь так устроена: для того чтобы кто-то смог поднять знамя победы в конце войны, другие должны полечь в самом начале, преграждая путь.

Жалко лишь: все произошло настолько быстро, что так и не успел повидать одну очаровательную, да что там, просто единственную на свете девушку. Теперь уже и не увидеть. Может, к лучшему? Зачем ее тревожить, если все равно ничего не получится? Нет у него права добиваться благосклонности, когда все равно не сможет дать счастья. Одна разница в возрасте чего стоит! Да и разные люди – по целям, жизненным установкам, системе взглядов и ценностей. Путного ничего не получится, а просто так... Речь же не о чем-то мимолетном, мимолетное с этой девушкой капитана не устраивало, а в любом варианте получалось: добром отношения не закончатся. Для нее, но не о себе же думать!

Но ведь снится она, снится, и в те ночи не хочется про-

сыпаться... Несколько дней, в течение которых группа туристов пыталась выбраться из вспыхнувшей на Востоке войны, дни, бывшие для всех адом, а благодаря ее присутствию вспоминаются как счастливейшие. И до сих пор щемит сердце.

Как она теперь?

От кустов видно было, как промелькнул птицей крохотный летательный аппаратик. Беспилотный разведчик. Боевой беспилотник вел бы себя иначе. Хотя не очень-то заметишь при пролете сидящего под прикрытием деревьев одиночку. Неприятель тщательно исследовал очередной кусок чужой земли на предмет возможных затруднений при перемещении. Пусть смотрят и видят. Есть надежда, что завтрашний день преподнесет им сюрпризы.

Ведь обещало начальство, что электронике будет кирдык. Мол, будет применено новое оружие, не то уничтожающее всякие цепи и платы, не то просто не позволяющее им работать. Тогда почему летает? И тут обманули? Или выходить из строя все будет постепенно? Новое оружие настолько засекречено, что даже принципа действия не понять. Говорят, что есть, а что и как... Ладно, посмотрим...

А вот высоко в небе не было ни одного инверсионного следа «настоящих» самолетов. Не иначе, ПВО действительно сохранилась и уничтожала любого нежелательного гостя. Соответственно, и противник не слишком хотел рисковать дорогостоящими аппаратами. У него тоже было не так много

сил. Масса авиации действует в Азии, в итоге при всей слабости российских ВВС решающего перевеса у врага нет.

Да и, по идее, если вражеской электронике будет афедрон, своей ведь тоже? Не бывает полностью выборочного оружия. Неплохой ход – раз современной техникой победить не удалось, сравнять шансы, сведя войну к старому доброму поединку людей.

От сигарет во рту стало немного погано. Захотелось есть, однако сухпай остался вместе с прочими вещами, и пришлось довольствоваться карамелькой. А уж после нее – закурить опять. Сигарет-то при себе хватало, вполне возможно, на всю оставшуюся жизнь.

Александр еще раз прикинул вероятные варианты завтрашнего боя. Все не предусмотреть, все равно реальность никогда не совпадает с планами, но надо быть готовыми к любому повороту дел. Еще надо бойцов себе отобрать. Выбор небогатый. Вдобавок заберешь себе всех опытных, ослабишь роту. А от дилетантов в засаде никакого толку. Да и не в засаде тоже.

Угроздило же!..

Глава вторая

Август – конец лета. Пусть пока еще мало что напоминает о скором приходе осени, только уже не радует сочным цветом зелень, кое-где заметна желтизна на отдельных листьях, и уже значительно раньше приходит ночь. Вроде недавно в это время можно было читать сидя на лавочке, теперь же окна в домах горят искусственным светом, а на улицах что-то разглядеть можно лишь под фонарями. И даже удушающая июльская жара, к немалому облегчению многих, ушла, уступила место обычному теплу. Вроде бы рано еще ложиться спать, и каждый выбирает себе занятие по вкусу. Кто смотрит телевизор, благо еще идут по каналам развлекательные фильмы, пусть сильно разбавленные старыми, патриотическими; кто сидит за компьютером, пытаясь найти в постоянно зависающей, лишь отдельными сайтами функционирующей Сети новости, не слишком радующие, откровенно говоря, или, опять-таки, пытаясь общаться с виртуальными знакомыми; кто, махнув рукой, коротает часы в ночных барах и клубах. Хоть формально власти стали относиться ко многому строже, почти перешли на некое подобие законов военного времени, только развлечения никто не запрещал. Пока, во всяком случае. А раз живем снова, зачем же упускать случай повеселиться лишний раз? И что с того, что Юг объявят войной, да и здесь, того и гляди, грянет нечто подобное?

Были бы деньги, а остальное...

Остальное явилось само, когда его никто не ждал. Интернет пропал полностью, но это уже бывало не раз и не два в последнее время и породило лишь ругань тех, кто не мыслил жизни без сидения перед монитором. А вот телевидение работало, предоставляя горожанам некий минимум вечерних развлечений.

Мобильная связь тоже пропала, однако такое в последнее время тоже бывало, и оставалось подождать. Два ли часа, всю ночь...

Никто не обратил внимания на шелест шин во дворах, и практически никто не выглядывал на улицы, и потому не видел, как подъезжают к домам разномастные автобусы в сопровождении армейских автомобилей. Если бы и увидели, что толку?

Посыпавшиеся из кузовов солдатики действовали на удивление четко. Часть из них заняла позиции у дверей, лишая жителей выхода, другая устремилась по лестницам. На каждой площадке бойцы останавливались, требовательно звонили в каждую квартиру, ладно хоть не молотили прикладами. Бывшие среди них стражи порядка объявляли не желавшим открывать: «Полиция», даже заходили в коридоры, однако первая скрипка внутри отводилась военным.

— Мужчины призывного возраста есть?

И вот тогда разыгрывались мимолетные драмы. Или же обходилось без них.

– А это кто? – Серанцев едва не подскочил в кровати и с недоумением посмотрел на Людмилу. Почему-то представился ревнивый ухажер, вдруг почувявший отрастание рогов и явившийся разобраться с причинами и следствиями. Пусть Мила говорила, будто у нее сейчас никого нет, однако мало ли что может сказать женщина? Как и мужчина. В конце концов, в Москве у Сергея имелась постоянная пассия, а в этот город он заявился лишь по делам. Почему бы в придачу к ним не навестить податливую знакомую? Вот и навестил...

– Понятия не имею, – Людмила укрылась одеялом. Она действительно никого сегодня не ждала.

– Да? – недоверчиво уточнил Серанцев.

– В такое время никто ко мне не приходит. Может, соседи? Или кто ошибся дверью?

Звонок не умолкал. Девушка поневоле поднялась, накинула валявшийся на полу халатик и пошла в прихожую. Сергей тоже лежал лишь секунды. Кто бы ни звонил, однако лучше одеться. Напялил штаны и майку, не удержался, выглянул в прихожую.

– Там полиция, – тихо прошептала Людмила.

Теперь уже некоторая толика сомнения была в ее взгляде. За собой она не знала никаких прегрешений, но вдруг мимолетный любовник где-то что-то натворил? И вроде бы хороший парень, все было просто отлично, но все-таки?

– Откройте! – требовательно прозвучало по ту сторону двери.

Сергей лишь пожал плечами. За мимолетную связь не привлекают, тогда что принесло сюда стражей порядка?

Оказалось, не только их. Вернее, мент был один, а кроме него – несколько человек в камуфляжной форме и при оружии.

– Кто такой? – Один из военных уставился на Сергея.

– Знакомый, – пожал плечами парень.

Что он мог сказать еще?

– Собирайся. Пойдешь с нами.

– На каком основании? Куда?

– В армию.

– Куда?!

Если бы сказали – в тюрьму, Серанцев удивился бы намного меньше. Менты и есть менты, они вполне могут замести невинного, лишь бы выполнить какой-нибудь план по раскрываемости, но армия?..

– Не притворяйся глухим. В двадцать три ноль-ноль будет официально объявлено о введении военного положения и мобилизации призывных возрастов. Собирайся. Автобусы во дворе.

– Но я не имею отношения... – растерянно проговорил Серанцев. – По какому праву?

– Не сомневайся: по законному. Шевелись, парень. Служил?

– Нет, разумеется.

– Тогда чем раньше встанешь в строй, тем больше шансов,

что чему-нибудь успеешь научиться. Давай-давай. Времени у нас нет.

– Я вообще москвич. Здесь в командировке, – как последний аргумент привел Сергей. Даже молниеносно сбегал в комнату, принес паспорт.

Военный мимоходом заглянул в документ и равнодушно вернул владельцу.

– Не имеет значения. Пошли. Или тебя силой тащить?

Из-за спины офицера (или сержанта? Серанцев считал ниже достоинства разбираться в званиях) выглянул здоровенный мордоворот.

– Разрешите, товарищ старший лейтенант?

Тут явно не шутили.

– Я сам, – вздохнул Сергей. Он еще надеялся, что все разъяснится и случившееся останется мимолетным приключением. Из тех, о которых можно будет уже через день со смехом поведать друзьям и подругам.

С верхнего этажа бодро спускался мужчина года на четыре старше Серанцева. «Значит, не одного меня», – подумал сисадмин, и стало немного легче. Чем больше народу, тем быстрее закончится этот кошмар.

Зато в соседней квартире военным стали возражать. Здесь жил лишь один мужчина, подпадающий под призывной возраст. Уже за тридцать пять, мимолетом взглянувший на погоны и сразу встретивший предложение в штыки.

– Я не подпадаю под указ, товарищ старший лейтенант.

– Это почему еще? – удивился офицер.

– Отбывал срок наказания в исправительном учреждении.

Между прочим, червонец.

– По какой статье?

– Убийство, – серьезно поведал мужчина. – Вот справка об освобождении.

– Так она прошлого года. – Старлей взглянул на дату.

– А есть разница? Все равно уголовный преступник. Таких в армию не берут.

– Сейчас всех берут, – после мимолетного колебания объявил офицер. – В указе ничего о вашей братии не было. Лишь по состоянию здоровья. Явные инвалиды, и такое прочее. Вы инвалид?

– Нет. Хотя здоровье после зоны не то. Думаю, медкомиссия найдет что-нибудь несовместимое со строевой службой.

– Не будет медкомиссии. Руки-ноги на месте, так что пошли. Если что, начальство разберется.

– Какое пошли, гражданин начальник? Тебе же русским языком сказано: судим по серьезной статье. Разве таким можно Родину защищать? Да и не мальчик я давно в ваши игры играть.

– Вяжем, товарищ старший лейтенант? Будет тут всякий урка правила устанавливать! – Сопровождавшие офицера солдаты были злы и миндальничать не собирались.

– И куда я связанный буду годен? – резонно спросил мужчина.

– Вот что, Комаров, – офицер заглянул в справку. – Мужик ты тертый, что такое законы военного времени, должен знать. Собирайся. А там как начальство решит. Или ты считаешь, отсидел, и никакого долга перед страной у тебя нет?

– Я свои долги давно отдал, – угрюмо буркнул мужчина. – Этой гребаной стране я ничего не должен. Ладно, пойду. Все равно не отстанете, да еще какую статью придумаете. От власти только гадости и жди. Только хоть пяток минут дайте. Оденусь, соберу кое-что на дорожку...

– Никаких спиртных напитков! – сразу предупредил старший лейтенант.

– А то не знаю! Так, сигареты, кое-какую мелочовку. У вас теперь, я слышал, даже табак не выдают. А я человек курящий, бросать не намерен. Предупредили бы хоть. Все у вас через одно место...

Но собрался действительно быстро, пожалуй, даже меньше обещанных пяти минут.

С другой стороны, надо же дать человеку время! Пока оно вообще есть...

Машины проезжали по дороге примерно с периодичностью одна в десять-пятнадцать минут. Гражданских среди них стало заметно меньше, даже по сравнению с утренним временем. Можно было бы объяснить это тем, что простому жителю было уже все равно, кто будет править: марионеточное правительство или оккупанты напрямую, особо хуже

точно не будет, мирных граждан никто не трогает. Вернее, трогают, но все в иных смыслах. Но не убивают напрямую – точно. Однако наверняка гораздо в большей степени это было следствием нехватки топлива и поголовным закрытием бензоколонок. Иначе многие просто бы убрались из предполагаемой зоны боевых действий хотя бы на то время, когда воюющие стороны откатятся куда подальше.

Мало ли какие случайности бывают? Кто-то, из своих ли, из чужих, промахнется, а в итоге снаряд упадет прямо в твой дом. Или ракета, или, там, бомба. Так ведь хрен редьки не слаще.

Зато стало больше военного транспорта. То санитарные автобусы, то разномастные окрашенные в защитный цвет грузовики, частью тоже с ранеными, частью – с вполне здоровыми бойцами. Раз даже прокатил БТР-80 на семи колесах. Куда подевалось восьмое, осталось лишь предполагать. Но грохот канонады вдали окончательно стих, и за кем осталась промежуточная победа, можно было только гадать.

В небе промелькнул белый след. Судя по скорости, ракета. В какой город она направлена, или не в город, а на позиции? Не узнать.

Александр встал, прошелся ближе к дороге, и почти сразу рядом затормозил потрепанный «шестидесят шестой» «газон».

– Братан, давай в кузов! – Из кабины высунулся молодой военный. Сразу не понять, сержант или офицер? Знаков раз-

личия на бронезилете нет.

– А вы куда? – поинтересовался капитан.

– Подальше отсюда! Когти надо рвать, пока их не выдрали!

Из-под брезента выглянула еще пара бойцов.

– Это еще надо посмотреть, кто кому выдерет, – философски заметил Александр.

– Ты че? Одурел? За ними – сила.

– Сила, брат, она в правде, – процитировал старый фильм капитан. – Хочешь сказать, они правы? Тогда надо сразу вешаться.

– Ну, как знаешь! Только в плен попадешь. Они к утру будут уже здесь, а на своих двоих далеко не ускачешь.

Лишь улыбка в ответ. Машина рванула, быстро скрылась в темнеющем лесу.

Закат окончательно отпламенел на небе. Теперь ждать оставалось недолго. Понятно: отцы-командиры спланировали перемещение на ночь, когда любое наблюдение с воздуха будет затруднено. Расстояние – километров пять, час хода. Плюс – полчаса на сборы. Зато ругани там сейчас! Новоявленные защитники отечества не привыкли к ложным позициям и внешне напрасному труду. Если называть вещи своими именами, в массе своей они вообще не привыкли работать, да только война в первую очередь – это всего лишь труд. Тяжелый, выматывающий, но необходимый.

Колонна подошла спустя час двадцать минут. Примерно

согласно расчету. Никто не ругался, видно, на ругань не было сил. Копание окопов, потом – ночной марш-бросок с полной выкладкой. Раз уж всей техники – две бээмпэшки на всю роту и ехать элементарно не на чем.

– Позиции намечены, – Александр вытянулся перед ротным. Тот был младше по званию, зато старше по должности. Надо же показать пример субординации, да и не в нынешнем возрасте думать о запоздалой карьере!

– Так! Отдых пятнадцать минут! Показывай. И сразу – что тебе конкретно надо?

– Надо-то многое, а вот из того, что есть в наличии... РПГ двадцать девятый мне нужен. С фланга от него толку будет больше.

Новый гранатомет был единственным на всю роту. Еще имелось пять штук совсем уж старых, вплоть до пары «седьмых», да еще десяток «Мух». В принципе, «Вампир» был самым мощным противотанковым средством подразделения, и уже потому отдавать его ротному не слишком хотелось. Только ведь действительно в борт бить предпочтительнее, чем в лоб, и старлей кивнул:

– Хорошо. Что еще?

– Что-нибудь из старья тоже пригодится. Еще – пулемет. И снайпер. Лучше всего – Комар. Если все пойдет как надо, то облегчим вам жизнь. Даже сделаем ее длиннее. В общем, бойцов восемь-девять, считая с экипажем, хватит. Можно добровольцев. Даже лучше. Кинем клич – кто не хочет ко-

пать здесь?

– Тебе бы все шутки шутить!

– Все лучше, чем слезами заливаться, – пожал плечами и едва уловимо улыбнулся Александр. – Ладно. Давай пройдемся по основной позиции. Чем раньше начнут, тем больше смогут отдохнуть перед боем. Надеюсь, поесть хоть успели?

– Пообедали. – До ротного дошло, и он предложил. – Сейчас распоряжусь насчет сухпая.

– Успеется. Прежде дела. Стой! Слышишь?

Впереди возник характерный звук, и ротный среагировал молниеносно.

– Рота! К бою! Всем рассредоточиться вдоль опушки!

Впрочем, в том не было нужды. Появившаяся на шоссе колонна явно была своей. Десятка два бронетранспортеров, облепленных людьми, катили в тыл, и старший лейтенант шагнул к дороге.

– Никак вэвэшники? – Александр воспользовался положением заместителя и последовал за командиром. Он уже походя отметил, что появившись тут противник, и разгром вышел бы полным. Не готовы были еще бойцы к неожиданным поворотам судьбы.

– Майор Теплицын! – С головного бэтээра прыгнул невысокий крепыш.

– Старший лейтенант Громов! Ополчение. Приказано держаться здесь.

– Тогда слушай сюда. – Майор вздохнул. Он представ-

лял реальную боевую стоимость наспех собранных и почти необученных людей. – Мы отходим. Пока впереди остается арьергард. Три бронетранспортера. Отойдут за нами после полуночи. Весь день дрались, отходили, снова дрались. Потери большие, еще хорошо, артиллерия поддерживала. Без нее совсем бы крышка. Тактика у противника простая. Пока не ждут сопротивления, идут обычной колонной. Беспилотники заранее все высматривают, зато если высмотрели, то сразу вызывается огонь артиллерии, иногда – «вертушки», в общем, все радости жизни. Еще хорошо, с воздуха бьют редко. Вроде ПВО дает им прикурить. Но мало ли? Ни в коем случае не останавливайтесь на открытом месте. Только на опушках. И еще. На той стороне бронетехника. Полный набор, вплоть до «абрамсов». Но в целом удар держат плохо. Жизни берегут.

– Понятно, – кивнул ротный.

Чего еще добавить? Положение – хуже некуда, осложненное тем, что никуда не денешься.

– Ладно. Удачи, старший лейтенант! – Майор запрыгнул на броню, и колонна покатила дальше. Бойцов ждал краткий отдых после напряженного боя, возможно – пополнение, скорее же всего – новый бой, если не завтра, так послезавтра в самом крайнем случае.

– Ну, что, ротный? Пойдем копать. Займемся извечной воинской забавой «лопата – друг солдата». Ничего. Все не так плохо. Раз жизни собственные берегут, то по получе-

нию звездюлины обязаны будут откатиться назад. Слабова-та кишка у цивилизованного народа. Будет время, расскажу, как мы из Египта недавно выбирались. Вот это был номер!

Александр старательно бодрился, и со стороны никто не мог сказать, что он чувствует сейчас на самом деле. Да и не стоит заглядывать в душу офицера.

– Да, интересно бы послушать, – вздохнул ротный. Он не лукавил и действительно хотел бы узнать историю дальних странствий, только сейчас не было времени, а удастся ли потом, старший лейтенант был отнюдь не уверен.

– Послушаешь. Тут ведь все как в сказке о доблестном Мальчише.

– О ком?

– Была такая у Гайдара. В прежние годы даже фильм по ней сняли. И мультик имелся. Суть сейчас не важна, а главное, весьма подходит к нынешней ситуации одна фраза. Нам бы только ночь простоять да день продержаться. Словно про нас.

Ротный посмотрел в сторону, откуда завтра накатит враг, и кивнул.

– Это точно.

Глава третья

– Они не имеют права. – Банальную мысль Серанцев озвучил тихо, больше в поисках сочувствия соседей, чем ради какого-нибудь бунта. Ясно же: спорить с простыми исполнителями глупо. Они могут продемонстрировать усердие, да так, что мало не покажется. Отстаивать свободу надо перед их начальством. – Сначала должны прислать повестку, вызвать в военкомат... И вообще, в гробу я видал всю их армию! Шли бы они сексуальным маршрутом без остановки! У меня неплохая работа, и терять деньги из-за какого-то идиотизма...

– Почему же не имеют? Раз военное положение, то и законы иные, – спокойно заметил оказавшийся ближайшим соседом Серанцева тот самый мужчина, который спускался по лестнице.

– Ага! Прежде сами довели ситуацию, а теперь хотят прикрыться нами! Я к их армии не имею никакого отношения. Как все нормальные люди.

– А я честно отслужил и ненормальным себя не считаю, – заметил сосед.

– Была охота! – Сергей покосился на мужчину. Наверняка какой-нибудь лузер, чьи родители даже не сумели договориться с военкомом.

– Кстати, не жалею. Хорошая была школа. Потом кое-что

пригодилось в жизни.

– Десант?

– Почему? Войска связи. Меня, кстати, Дмитрием зовут.

– Сергей. – И сразу пожаловался дополнительно: – Я вообще из Москвы. Сюда приехал на несколько дней, а тут...

– Значит, такая судьба.

– Ага, судьба! Надо было сваливать из страны к чертовой матери! Уж работу там я бы себе нашел! Устроили революцию, блин!

– Иного выхода не было. – Философское спокойствие Дмитрия уже начинало раздражать. – Иначе вообще скатились бы к какому-нибудь Лесоту. Да и кто устроил? Кто вообще народу не нужен и кого сразу свергли назад? Забыли: лучше плохой, но порядок, чем полный беспредел?

Как частенько бывает, немедленно вспыхнул спор. Часть сидевших неподалеку пассажиров принялась оправдывать случившееся, часть возражать, что перед тем было лучше, еще часть вообще ругали все подряд или отстаивали нечто третье. Благо, колонна двигалась каким-то загородным проселком, темнота за окнами даже не позволяла толком определиться, где именно, и никаких иных дел, кроме пустоποрожной болтовни, у мужчин не было.

Даже поспорить толком не удалось. Автобусы один за другим миновали какие-то ворота с застывшей по сторонам парой бронетранспортеров и въехали...

– Да это же вроде «Лесные дали», – вдруг объявил один

из пассажиров. – Ну, санаторный комплекс такой. Вроде бы заброшенный.

Во мраке действительно чернели какие-то длинные здания, только в окнах не горел свет, и лишь кое-где у входов тускло светились слабые лампочки.

– Сколько людей? – Дверь в автобус открылась, и внутрь заглянул кто-то снаружи.

– Сорок шесть, товарищ полковник! – бодро отозвался сидевший рядом с солдатом-водителем офицер.

– Хорошо. – И уже наружу: – Громов, забирай их себе. И из следующего автобуса тоже.

– Слушаюсь! – донеслось до пассажиров, и вместо полковника в автобус на мгновения влез другой офицер. Очевидно, тот самый Громов. – Всем на выход! Строиться!

Едва последний из пассажиров покинул салон, автобус немедленно укатил. Какие-то люди в форме живо стали помогать прибывшим создать некое подобие двухшереножного строя.

– Давай! Шевелись! Не то останетесь без обеда!

Есть многие не хотели, все-таки забрали их уже после ужина, однако спустя пару минут в темноте кое-как протянулся выстроенный фронт.

– Так. Рота! Равняйся! Смирно!

Вряд ли команда была выполнена, кое-кто вообще толком не ведал значения прозвучавших слов, да и сказано было отчасти по привычке, отчасти чтобы обозначить новый соци-

альный статус оказавшихся здесь парней и мужчин.

– Отныне в соответствии с выпущенным указом все вы считаетесь призванными в Вооруженные силы. Наша часть называется семнадцатой ополченческой бригадой, а вы – бойцы шестой роты второго батальона. Я ваш командир старший лейтенант Громов. Предупреждаю сразу: согласно тому же указу самовольное оставление воинской части является дезертирством и карается по законам военного времени. Это чтобы у кого-нибудь не возникало ненужных иллюзий и желания отсюда сбежать. Проверять, каким именно будет наказание, по-дружески не советую. И еще. В ближайшее время мы наверняка вступим в бой, поэтому ваша задача: как можно скорее овладеть хотя бы основами воинского мастерства. А теперь служившие срочную выйти из строя!

Вышло человек двадцать – двадцать пять из без малого сотни. В том числе и сосед Серанцева, а также не столь давно отбывший срок Комаров.

– Негусто, – невольно вырвалось у ротного.

Ничего иного он не ожидал, времена всеобщей воинской повинности остались разве что в памяти у чуть более старшего поколения, только мало хорошего получить в распоряжение совершенно не подготовленных людей.

– Механики-водители танков, боевых машин пехоты, водители бронетранспортеров имеются? Наводчики-операторы, наводчики? Командиры танков, артиллеристы?

Вперед шагнуло трое. Затем к ним добавился четвертый.

Ротный тихо спросил, выслушал ответы, после чего подозвал бойца, и двое ушли куда-то от прочей группы.

– Остальным за мной. Сейчас вас перепишут, распределят по взводам и выдадут обмундирование.

Серанцев машинально провел рукой по длинным, забранным сзади в хвост волосам. Еще не хватало, чтобы постригли! Как тогда появиться перед Диной и ребятами? Насмешек не оберешься! Не пора ли качать права? Но остальные парни в строю помалкивали, а решимости выступить первым Сергею не хватило. Сказалось то, что происходящее казалось подобием кошмарного сна и никак не желало по ощущениям превращаться в реальность. Не может такого быть, и точка! Откровенный бред. Двадцать первый век, и вдруг откровенный произвол, словно сталинские годы на дворе.

Шутка, что ли? Так за такие шуточки морды бить надо, а потом таскать юмористов по судам, вплоть до Страсбургского. За нарушение прав человека. Пусть выплачивают отступные, раз такие идиоты!

Между прочим, суммы присуждаются порой такие, что потом какое-то время можно не работать. Даже с учетом стремительного обрушения всех мыслимых валют. Ну или досрочно выплатить кое-какие кредиты.

Нет, но на самом деле, что за шутки?

Процедура оказалась затяжной, хотя ничего особо сложного в ней не было. Где-то в обширном подвале одного из зданий прямо в коридоре стоял стол, за который уселся рот-

ный, молодой совсем мужчина с усталым лицом, рядом с ним еще двое, и к сидящей троице пришлось подходить по одному. Фамилия, имя, отчество, дата рождения, служил ли... Все заносилось в толстую тетрадь, а чуть в стороне уже устроился солдат с «поляроидом», и свежее фото новобранца тут же приклеивалось в напоминавший пропуск документ. Пара записей, документ закатывался в целлофан и торжественно вручался свежееиспеченному ополченцу. Затем следовало краткое направление в какой-нибудь взвод, и новичок посылался в соседнюю огромную комнату, сплошь заваленную обмундированием. Как тут же выяснилось, сплошь второго срока.

– Комаров Вячеслав Сергеевич. – Перед Серанцевым оказался мрачноватый мужчина уже в годах, уверенный в себе, спокойный.

– Служил?

– Сидел, – с некоторым вызовом отозвался Комаров.

– По какой статье?

– Убийство.

– Тоже неплохо. Если навыки будешь применять к врагам, – пожал плечами ротный. Чувствовалось, что удивить его какой-нибудь деталью биографии в данный момент невозможно.

– Вообще-то, и служил перед тем тоже, – неожиданно признался мужчина.

– Воинская специальность?

– Снайпер, – с некоторым вызовом объявил Комаров.

Ротный взглянул на него с некоторым интересом.

– Значит, потом служба в армии помогла?

– Еще как! – Но в ответе присутствовала изрядная доля иронии.

– Что ж, снайперы нам нужны. – Чувствовалось, старший лейтенант был не прочь узнать подробности биографии своего солдата, только времени сейчас на это не имелось. Вон еще сколько призывников толпится вдоль коридора!

В отличие от Комарова, Серанцеву сказать было нечего. Вернее, было что, но совсем иного толка.

– Я хотел бы знать, на каком основании меня сюда загребли? – Сергею вдруг показалось, что это последний шанс разругнуть ситуацию. Выдадут потом удостоверение, и уже не от-вертишься. – У меня работа, в конце концов. Я сисадмин в довольно большой московской фирме. И прогулы у нас весьма не одобряются.

– Согласно указу, время службы оплачивается предприятием или организацией, в которой работал призывник, в размере восьмидесяти процентов от оклада. Учитывая, что здесь будешь на всем готовом, примерно то на то и выйдет.

– Они оплатят! – невольно вырвалось у Серанцева.

– Куда денутся? Арестуют счета. Не старая власть, либеральничать никто не станет. Служи смело.

– Но я не хочу! У меня высшее образование!

– Придется захотеть. Руки-ноги имеются, обходишься без

очков, значит, годишься. Все. Не задерживай.

– Хорошо. Тогда к кому я могу обратиться по данному вопросу?

– Собственно, ни к кому. Все происходит в соответствии с указом, и никаких исключений не предусматривается.

Сзади уже подходил следующий, тот самый Дмитрий, и пришлось взять новый документ и идти в гардеробную. Или как такие комнаты называются в армии?

Там распоряжался мужчина кавказского вида. Спрашивал размеры, после чего деловито копался в разложенных вещах и кидал новоявленным бойцам белье, камуфляжные штаны, такую же куртку, ремень, кепи, а затем добавлял к этому берцы. Все словно из сэконд-хенда, поношенное, но хоть не грязное. Однако облачаться в чужие обноски многим было неприятно.

– Оружие потом получите. – Мужчина сделал соответствующую запись. – В углу мешки, запакуйте свое и наклейте бирку с фамилией и прочим. Будет вас потом дожидаться. Деньги и прочие мелочи оставляйте при себе. Следующий!

И лишь когда все были переписаны и обмундированы, выдали каждому по коробке с рационом. И сразу повели наверх, в какой-то зал, где уже были составлены в ряды против ожидания приличные кровати.

– Обедать и спать! – Под потолком горели несколько нарочито тусклых лампочек. – Учтите, подъем в шесть, и сразу занятия. Так что разговорчики отменяются.

Но разве отменишь, даже если выключить свет?

– Вот влипли! Блин! – пожаловался Серанцеву какой-то молодой парень.

– Запомни, братишка, это пока еще мелочи, – неожиданно подал голос Комаров. – Влипли – совсем другое. Если все обойдется одной службой, так это ерунда.

– Блин! Ничего себе, ерунда! Делать мне, что ли, нечего? У меня папашка знаете кто? Он как узнает, блин, мигом среди вояк порядок наведет! С его-то деньгами! Без всяких приколов! Всех построит, так что забудут мать родную!

– Сынок, ты прежде сам кем-нибудь стань. Без папашек и мамашек. И вот тогда можешь хвастаться, сколько влезет.

– А ты кем стал?

– Собственно, никем. Но жалоб себе не позволяю, – Комаров закурил прямо в кровати. – Никакого толку, сколько ни плачь.

«Сынку» наверняка хотелось сказать что-нибудь в адрес уголовного, только ведь нарвешься потом на крепкий кулак. Тому, кто отмотал срок за убийство, изувечить человека ничего не стоит. Папаша-то далеко, пока он еще сможет пустить в ход многочисленные связи!

– Они что, думают, будто я защищать кого-то обязан? – вместо этого спросил Сынок. – По приколу, что ли, как последний лузер? Сами натворили дел...

– А кто же, если не ты? Или кто-то другой будет помирать за капиталы твоего папашки? Так им точно смысла нет.

Кто-то поддержал, и Сынок предпочел замолчать. Ясно же: в среде каких-нибудь работяг сочувствия не дождешься. Пусть не работяг, а представителей так называемого креативного класса. С вершины разница невелика. Народ завистливый, еще специально начнут делать гадости. И пусть потом можно будет отомстить, но ведь это будет потом!

– Здесь будет твоя основная позиция. Запасная – правее. Смотри, отползаешь чуть назад, дальше – перебежка влево и вот сюда.

Половинка луны на небе давала достаточно света, чтобы не блуждать в полном мраке. По крайней мере, кое-что можно было разглядеть, понять в намеченном расположении.

– Понятно, – кивнул Комаров.

– С дороги тебя видно не будет, – добавил Александр. – Главное, не высовывайся. Хотя, что я тебе говорю?

– Вот именно. Я же душегуб, – хмыкнул Вячеслав. – Человек опытный...

– Раз опытный, то обустраивайся. Должен понимать... Я пока другим их места укажу.

Других было немного. Пулеметчик Игорь со вторым номером Антоном, бывший десантник Коля со стареньким гранатометом РПГ-7, да два человека в помощь гранатометчикам – Валерка и Саня. Правда, кроме РПГ у Коли имелась одна одноразовая «Таволга» да на всех – три «Мухи», но последние годились лишь для стрельбы по бронетранспор-

терам. На бээмпэшке тоже не имелось штатного ПТУРа, и единственное утешение – и механик, и наводчик успели отслужить срочную службу. Как, впрочем, и остальные люди капитана.

Никто не волинил. Предчувствие завтрашнего боя не хуже начальственных понуканий заставило людей вырыть неглубокие окопчики. Трудновато среди корней, зато укрытие. Чертыхались, матерились, рубили саперными лопатками так называемую землю...

– Ладно. Окончательно обустроимся утром, – подвел итог Александр. – Ужин и отбой. Подъем будет ранним, день – трудным, так что отдых необходим. Дежури́м по очереди. Часовым не спать. Не мирное время.

На поле далеко в стороне копошились обещанные саперы, но разглядеть их можно было лишь в ночной бинокль. Просто от присутствия славных тружеников минного дела на душе становилось немного легче. А вот по дороге уже давно никто не ездил. Лишь проскочили машины арьергарда внутренних войск, и как отрезало. Кто ж поедет, раз война подошла вплотную?

Так и легли прямо на землю под прикрытие деревьев. Когда весь день прошел в тяжелой физической работе, то маршбросках, то в рытье окопов, удобства становятся неважны. Как и тонкий писк, к счастью, редких здесь комаров. Никакой бессонницы, лишь бы упасть, и чтобы никто не трогал.

Остаток ночи прошел сравнительно спокойно. Да и ночи

той – вроде едва сомкнули глаза, как уже начало светать.

Утро встретило прохладой. Мышцы затекли, у Александра в придачу ко всему слегка ныли раны, и вообще, бывает ли добрым рассвет перед боем?

Зато бойцы впервые смогли оценить достоинства позиции. Она располагалась немного на вершине, а дальше шло поле. До самой дороги было полторы сотни метров. С одной стороны, неплохая дистанция для засады, с другой – будет ведь и ответный огонь. Хорошо, глубокая дренажная канава не позволит технике так уж легко устремиться в атаку на лес. А подъем и густой лес позволит в случае необходимости совершить передислокацию или скрытно отойти. Да еще солнце будет светить неприятелю в глаза. В общем, что-то лучшее подобрать в здешних местах трудно. Еще бы небольшую речушку, которая с гарантией задержала бы вероятных преследователей! А пока – лишь ключья низового предутреннего тумана.

– За работу, орлы! – Александр обошел свое небольшое подразделение. – Доделываем, завтракаем, дальше – ждем. Тут осталось-то...

При свете нарождающегося утра работа пошла веселее. Быстренько докопали окопы для стрельбы лежа, замаскировали их, укрыли единственную бээмпэшку...

– Слушай приказ, орелики! Противник предположительно на броне попытается проехать по дороге. Наша задача – внезапным ударом нанести ему потери, а главное – задержать

на максимально возможное время. Зря жизнями не рисковать, они еще понадобятся. Будет жарко – отходим на соединение с основными силами. Нас должны прикрыть с воздуха пэвэошники, на земле обещали поддержку артиллерией. Самый удобный рубеж для развертывания в боевой порядок лежит чуть дальше за лесом – если мы ввели их в заблуждение по поводу позиции. Потому есть шанс, что тут еще они пойдут по-походному. Кто-то же должен задержать их, мужики...

Мужики промолчали. Ни возражений, ни согласия, лишь тихонько сопел слегка простывший поутру Игорь.

– А они точно тут пойдут? – после долгой паузы спросил Коля.

– Командование предполагает, что да. А как на деле... – Александру самому подсознательно хотелось, чтобы враг выбрал иную дорогу.

– Понятненько...

– Смотрите!..

В небе что-то пронеслось, пролетело мимо, а затем позади загрохотало. Грохот нарастал, заставляя мужчин невольно улыбнуться.

– А ведь получилось! Они же нашу вчерашнюю позицию долбят! – с долей восторга изрек Игорь. – И основательно так...

Словно позабыл, что вслед за артподготовкой обязательно должна последовать атака.

Но все-таки они еще успели позавтракать, прежде чем от бээмпэшки подбежал наводчик.

– Сообщение дозорных. Противник двинулся вперед. Идут походным порядком. Очевидно, головная застава. Пять БМП «Брэдли» и два «Абрамса». Скоро будут здесь.

– Коля! «Брэдли» – твои. Старайтесь зря боеприпасы не тратить. Всем бить только наверняка, Игорю – прижимай их к земле, не давай поднять головы. Сигнал – мой выстрел. Но не раньше.

Наверно, полагалось вспомнить кого-то близкого, например, чудесную девушку Дину, которую так и не успел найти.

Ладно. Нашел, если быть уж совсем честным. В одной из социальных сетей буквально накануне командировки, когда Интернет еще кое-как работал, а через всяких ее френдов даже узнал адрес, да только... Только для нее он давно мертвый. С самого момента разлуки, когда пришлось остаться прикрывать группу туристов. Раз не смогли догнать, следовательно, погибли. Может, даже переживала немного по поводу гибели случайного знакомого, но теперь-то давно забыла. Самое глупое: обольщаться произведенным на противоположный пол впечатлением. Все в мире недолговечно. Да и толку? Мелькнуло видение мимоходом и сразу исчезло под грузом предстоящего. Мелодрамы хороши лишь в романах да бесконечных сериалах. В жизни властвуют иные законы, куда более прозаические.

Александр еще раз оглядел свое воинство. Люди, разуме-

ется, волновались, однако старались держаться и пока труса не праздновали. А потом и времени на слабости не будет.

– Ну, что? К бою, мужики!

Глава четвертая

Кто не служил, тому сравнивать трудно. Легче ли было в армии, тяжелее. Однако взялись за обучение офицеры и сержанты всерьез. Строевой подготовки преподали самый минимум, надо же хоть немного приучить людей к основам воинской субординации, а все прочее время было изначально уделено оружию и тактике. Последней – по необходимости на самом элементарном уровне. Какие-то навыки окапывания, ползанья, перебежки, взаимодействия друг с другом. Любое действие должно быть доведено до полного автоматизма, в бою думать некогда, только возможно ли так подготовить людей за считанные дни? Разумеется, нет. Те, кто служил, вспомнили прежние уроки, остальные... Ну, мягко говоря, находились на уровне начинающих участников позабытой игры «Зарница». И то в самом лучшем случае. Откуда автоматизм за несколько занятий? Отдается приказ, а солдатики думают над самыми элементарными действиями. Когда же начинают действовать, получается классическое: кто в лес, кто по дрова.

Инструкторами были мужики молодые, но серьезные. Любые попытки индивидуального бунта подавлялись в зародыше. Для коллективного же выступления требовались лидер и сговор. Лидера в среде призывников не проявилось. На сговор же не было времени. Во время кратких перекуров пар-

ни падали без сил, и тут уж было не до разговоров. Вдобавок, коллектива пока не было, лишь набор сведенных вместе судьбой человечков, в большинстве своем больше озабоченных не общей судьбой, а личной. Если кто и образовал более-менее слаженную группу в новонабранной роте, так это люди служившие, однако гоняли их поменьше, да и поддерживали они инструкторов, а никак не замученных парнишек.

Нет, кое-кто из ребят умел драться, даже немного владел какими-нибудь единоборствами, только ведь тут главное не умение, а дух, а духа как раз не хватало. И опять-таки кулаками проблем с начальством не решишь. Даже если начальство – какой-нибудь сержант. В конечном итоге прав окажется не кто сильнее, а у кого больше прав. По случаю войны весьма убедительно. Ладно, если обойдется карцером, а если трибуналом в полном соответствии со зловещим предупреждением некоего злого и сухопарого чина?

– Не дрейфь, салаги! – покрикивал порою Коля, бывший десантник, даже сейчас таскающий бело-синюю майку вместо форменной, защитной. – Послужите, на людей станете похожи!

– Права они не имеют нас так гонять! – прохрипел тот самый Сынок, которого, кстати, звали Максимом. – Блин! Сами устроили бучу, пусть сами ее и разгребают. Почему я должен тут гнить за кого-то? Тоже деятели! Поссорились со всем миром, а теперь... Я что, лузер?

– А за тебя не гнили? – вдруг с оттенком злости спросил Комаров. – В той же Чечне, когда и с миром не ссорились, зато всякие политические игрища устраивали на благо власть имущим. Вот теперь и пришел твой черед.

– Да он просто заранее в штаны наложил! – добавил Коля.

– Сами... – но поперхнулся. – Раз уж устроили переворот, блин, пусть его и защищают добровольцы. Те, кому это близко. Или, по приколу, не нашлось? Сколько раз всякие записи объявляли! Ты-то ведь записываться не стал.

– Семья у меня, – буркнул в ответ отставной десантник. – Супруга такой скандал закатила! Зато теперь никаких возражений. Все решено за нас.

– Я не нуждаюсь, чтобы кто-то решал за меня! У нас демократия. Как хочу, так и живу. Я никому ничего не должен! И права у меня есть. Ведь хотел смотаться отдохнуть куда подальше! Оттянуться со вкусом. Не успел.

Он не стал добавлять, что уезжать, по большому счету, сейчас было некуда. В Европе какая-то гражданская война, на югах – война вполне настоящая. Даже в Америке и то откровенный бардак с непрерывной стрельбой.

– А моя телка смоталась. В Египет. Еле ноги унесла, – вздохнул Серанцев.

– Так то Египет. А надо куда-нибудь на Багамы или Карибы. Подальше от чертова Востока, раз там бардак, почти как здесь.

– Или здесь, как там...

– Перекур закончен! Строиться!

Вот и весь разговор. Ночью же в импровизированной казарме вообще стояла полная тишина. Парнишкам едва хватило сил снять берцы, а дальше рота провалилась в сон без сновидений. Зато такое впечатление, только заснули, как уже грянуло извечное:

– Рота! Подъем!

Серанцева бил легкий озноб. Не то от утренней прохлады, не то от пришедшего вдруг осознания: все происходит всерьез. Подобно многим парням, Сергею было-то двадцать семь лет, он видел гораздо больше закатов, чем восходов. Да и вообще, природа воспринималась обычно, как нечто отстраненное. Если уж отдыхать, так в кафе или в ночном клубе, если ехать, то в европейский город, дома которого воспринимались лучше необлагороженных полей и лесов. Но вот сейчас почему-то обычный пейзаж воспринимался как нечто прекрасное, подобное которому никогда не доводилось видеть. Травинки вблизи окопа, ползущий по одной из них муравей, пролетевшая над полем какая-то небольшая птичка, стелющийся в низинах туман, розовое небо там, где скоро должно появиться солнце... Почему-то воздух вдруг стал необыкновенно вкусным, и хотелось дышать им полной грудью снова и снова. Даже мышцы, несколько побаливающие после сна на голой земле, и те радовали. Раз чувствуешь тело, значит, жив.

– На поле никому не высовываться. Не дай бог, обнаружат раньше времени! – Голос взводного на мгновение отвлек от открывавшейся дивной картины.

Лейтенант, сколько слышали бойцы, в свое время сразу ушел из армии, едва не по окончании училища, только призван был раньше многих, как офицер. Свое отношение к происходящему взводный не выражал, гонял доставшихся ему солдатиков, в разговоры же обычные не вступал, соблюдая начальственную дистанцию.

– Вот влипли, блин! – Слева раздался голос Сынка.

Однако мимолеетный взгляд показал: к ситуации Максим подошел серьезно. Уже облачился в бронежилет, напялил увенчанную еловой веткой каску, а пока суд да дело, старательно насыщался выданным суточным рационом. Автомат лежит под рукой, запасные магазины – тут же, прямо образцовый солдат.

– Пока не обязательно, – отозвался откуда-то сзади Денис. Этот был из послуживших, потому назначенный пулеметчиком. Сейчас он курил, как было приказано, чуть дальше кромки леса. Словно на расстоянии можно заметить табачный дымок!

– Думаешь? – с некоторой надеждой спросил Максим.

– Ничего я не думаю. Нет таких пунктов в уставе. Но что, других дорог мало? Нормальные герои вообще идут в обход. Где их не ждут.

Но тут, опровергая слова, позади послышались взрывы.

Настолько частые, что порою сливались в один грозный непрекращающийся раскат.

– Обошли!

– Не дрейфь! – сообразил Денис. – Это они нашу вчерашнюю позицию обрабатывают. Так что зря командиров ругали. Иначе все бы обрушилось на нас.

Невольно представилось, как бы оно было, и стало нехорошо. Наверняка всех просто бы разметало на куски, и даже боя, последнего утешения солдата, не получилось бы. Просто лежишь в окопчике, и вдруг свист, грохот, а затем – смерть. Жуткая, когда даже тела потом не найти, главное же – неизбежная. Разве реально уцелеть в разыгравшемся позади аду?

Но что мешает противнику повторить огневой налет, перенеся огонь поближе? И никому не будет дела, добровольно ли ты вызвался или просто загребли, всучили автомат да велели задержать чужую колонну. Даже не спросив твоего мнения на сей счет, словно ты обязан воевать с тем, на кого укажет властный палец начальника. Если бы в ответ подобное бы началось в другой стороне, стало бы легче, однако то ли в российской армии давно не было артиллерии, то ли ее берегли на некий решающий момент, обстреливать противника никто не торопился. Зато когда высоко в небе появился инверсионный след, его пересек другой, и вскоре там рвануло. Лишь непонятно было: кто же кого сбил? Хотелось верить, что наши чужого. Летел-то первый с той стороны!

– Беспилотник!

Небольшой аппаратик скользил над дорогой, и бойцы поневоле постарались отползти чуть дальше от кромки или же припасть к земле. Оказаться замеченным почему-то не хотелось никому. Беспилотник скрылся в тылу, никаких последствий это не повлекло, однако и взрывы позади прекратились. Сразу стало как-то пронзительно тихо, лишь в воздухе носились потревоженные птицы, да где-то в стороне был слышен сверчок.

– Денис! Закурить дай!

– Ты же не куришь. – Но сигареты Максиму протянул.

– Закуришь тут! – выдохнул Сынок.

– Зато помрешь здоровеньким, дурак! – хохотнул Денис.

– Сам ты... – без злобы отозвался Макс.

Они отползли чуть вглубь, где в почву уже было вдавлено порядочно окурков, задымили.

Серанцев посмотрел на них не без зависти. Сам он, подобно многим молодым людям, никогда не курил, берег здоровье и несколько сомневался в действенности средства для снятия напряжения.

Зато он был первым из отделения, кто заметил на шоссе далекую точку, и лишь затем в стороне кто-то выдохнул:

– Началось!

– Ну, не брал я в командировку никаких документов, кроме паспорта! Короткая деловая поездка с попутным посеще-

нием родственников. Потому и напросился. Откровенно говоря, уже и забыл, где эти документы лежат. Я же по возрасту уже в отставке.

– Вот именно, – согласился подполковник.

– Не верите?

– Почему же? Не сомневаюсь. Но подумайте сами, зачем вам это надо? В ваши годы, и опять... Молодежи хватит.

– У молодежи такого опыта нет. Даже у служивших. Да и не в одном опыте дело. Им не довелось узнать ощущения великой страны за плечами, а я его до сих пор помню. Я же не претендую на командную должность, товарищ подполковник. Понимаю, перерыв чересчур большой, и все восстанавливать надо. Однако рядовым бойцом-то быть могу. Кое-чему меня учили. Не скажу, чтобы очень плохо. Да и недавно пришлось вспомнить кое-что из старых уроков. Когда когти пришлось рвать из Египта. Сдуру поехали с бывшим сослуживцем и нынешним моим шефом отдыхать, и как раз влипли по самое «не балуйся».

– Вы были в Египте? – Судя по выражению на лице офицера, кое-что из сравнительно недавней истории он слышал. Что-то просочилось в СМИ, гораздо больше – в Интернет. Что-то раскопали пронирливые журналисты, кто-то из спасшихся дал интервью, и история имела порядочный резонанс. Хотя политики весьма постарались, чтобы скрыть происшедшие события.

– Угу, – процедил Александр. – Угораздило. Больше на

курорты меня не тянет. На диванчике отдыхать спокойнее. Весь Восток в войне. И гражданской, и обычной. Мировая, пришедшая из Азии. Только повезло оказаться там при ее зарождении. В ненужном месте и в ненужное время.

– Как вы выбрались?

– Да по-всякому. Где пострелять пришлось, где – тихой сапой. – Вспоминать случившееся не хотелось. Тем более, распространяться о том.

– Вы какое ВОКУ закончили, Карпов?

– Имени Моссовета.

– Я тоже. – Подполковник не выдержал, полез в сейф и извлек оттуда бутылку и две рюмки.

Выпили по-братски, без всякой закуски.

– Меня Василием зовут.

– Александр.

– Слушай, Саша, – перешел на «ты» подполковник. Он был младше Александра минимум на десяток лет. – Оно тебе вообще надо?

– Представь себе: да. Я же с момента развала, еще когда из армии уходил, ждал этого момента. Что наша страна решит подняться с колен, перестанет слушать Вашингтонский обком. Может, и поздно, но оставаться в такой момент в стороне я не хочу. Пусть я давал присягу другому государству, однако напали на нас. Не хочу быть зрителем. Их без меня хватит. Думаю, какую-нибудь пользу принести сумею.

– Ты хоть обстановку представляешь?

– В общих чертах – да. И что нам мало что светит – тоже. Не прошлая война, промышленности почти нет, наладить производство техники не на чем и некому. Но не поднимать же лапки кверху! Да и не полномасштабная война, некое подобие рейда, да еще ограниченным, так сказать, выходящим из иных мест контингентом. Практически, по словам противника, лишь помощь в наведении порядка и восстановлении демократии. Сиречь попытка вернуть тех, кто устроил переворот и практически сразу был свергнут всем народом. Получат по зубам – уберутся. Нет... Тогда и нас не будет. Но с учетом большой восточной войны и бардака в Европе, какие-то шансы есть.

– Ладно. Если так хочешь, могу тебя куда-нибудь пристроить. Если бы еще документы у тебя были... Ты чем командовал?

– За речкой – ротой. Последняя должность – начальник штаба мотострелкового батальона. Теперь вряд ли потяну. Хоть в замполиты переходи, – Александр горько усмехнулся. – Нет чтобы лет двадцать назад...

– Ну, в замполиты не надо. Инструктором пойдешь? Мы будем набирать ополченцев, а, сам понимаешь, служили из них единицы. Хоть чему-то научить людей надо.

– Я драться хочу, а не в тылу отсиживаться. А кем – какая разница? Могу командиром отделения, могу – рядовым.

– Тебе мало досталось? Ладно. Заместителем ротного пойдешь? А там посмотрим.

– Разумеется. Как раз что надо. Хотя восстанавливаю кое-какие навыки. Да и какая карьера в мои годы? Дела бы доделывать, молодым пример показать...

Самые долгие минуты – последние. Потом время летит быстро, секунды могут оказаться часами, зато пока ждешь, мгновение кажется без малого вечностью. Не важно, насколько ты уверен в себе, только любой бой – это экзамен, и никто не знает заранее, какой выпадет билет.

Семь единиц бронетехники – многовато для одной группы. И чересчур далеко до основной позиции, чтобы рота могла эффективно поддержать засаду огнем. Значит, надо будет вовремя отметить момент, когда придется подать команду на отступление. Как человек с военным образованием, Александр был реалистом и знал, что разгромить малыми силами весь дозор противника не получится. Эффект внезапности – хорошо, но огневое преимущество на другой стороне.

– Новое сообщение разведки! – Наводчик подбежал, стараясь двигаться лишь под прикрытием кустов, хотя противника на дороге пока еще не было.

Радиосвязью Александр запретил пользоваться сам. Как ни мала вероятность, не хочется быть обнаруженным заранее. Вдруг кто-то прослушивает все диапазоны да пеленгует места? Береженого...

– Что там еще?

– В трех километрах за авангардом следует большая ко-

лонна. В основном «Брэдли». Не меньше батальона.

– Пусть себе следуют. Пока подойдут, пока развернутся, нас тут уже не будет. – В тишине послышался далекий гул моторов, и капитан затянулся сигаретой последний раз, после чего вмял окурки в мох.

Выстрелы снаряжены, один уже в гранатомете, автомат под рукой, бойцы на местах. Ничего вроде бы не забыто, и все равно чуть мандражит.

Гул приближался. За кустами пока ничего не видно, но, судя по звукам, вот-вот появится колонна. «Интересно, что чувствовали духи, когда подкарауливали меня?» – Мысль промелькнула и сразу исчезла. Та война была слишком давно, чтобы о ней вспоминать. Даже пресловутое возвращение из Египта было словно в другой жизни. Ничего не имело значения. Лишь прущая по родной земле вражеская колонна, и вот ее-то следовало остановить любой ценой.

А вот и гости дорогие. В смысле – богатые. Одни транспортные средства у них сколько стоят! С их-то военным бюджетом! Куда нам, сирым и убогим!

Впереди, опережая остальных на добрую сотню метров, медленно двигалась боевая машина пехоты «Брэдли». За ней – еще две такие же машины, «Абрамс», еще одна «Брэдли», затем – опять танк, и замыкала колонну последняя, пятая, БМП. Все по-боевому, с закрытыми люками, ни одного человека на броне. Конечно, идеальным вариантом было бы подбить головную и концевую машины, только никакой закупор-

ки дороги при этом бы не произошло. Тут не горы и не болота, ничто не мешает остальным съехать с трассы да спокойно продвинуться прямо по земле. Потому бить надо по самому опасному противнику, и лишь затем – по остальным.

Ладно, начальство намекало на некое оружие с единственным эффектом – мешать нормальному функционированию электроники. Мол, всякие прицелы, электронные вычислители, автоматизированные командные системы, тепловизоры и прочее, вплоть до связи, не то будут работать с трудом, не то вообще будут гнать какую-то пургу. Хотелось бы верить...

Гадостей неприятель если и ожидал, то не слишком серьезных. Враг дальше к тому же разбит ракетно-артиллерийским огнем, пока же можно перемещаться сравнительно спокойно. С БМП наверняка зорко наблюдали за окрестностями, только засада была замаскирована хорошо, вдобавок солнце уже вошло и теперь слепило экипаж и десант машины, и головная «Брэдли» прокатила мимо.

А день намечался чудесный. Ветра пока не было, не требовалось даже вносить соответствующие поправки. Туман в низинках исчез без следа, воздух был теплым, лишь чуть зудели комары. И то – в меру, не злобствуя особо сильно.

В оптике показался борт «Абрамса». Надо отдать должное: смотрелся танк грозно. Здоровенный, не чета советским и российским, одна башня побольше иного сарая, прямо неуязвимый монстр. Особенно, когда против него прихо-

дится выходить лишь с гранатометом. Хотя гранатомет тоже не прост... Арабы всякие таких чудовищ порою вообще из ДШК подбивали.

Куда бить? В борт, благо условия идеальные, или же?..

Хотя есть места поприятней. Ракета ушла точно в кормовую нишу башни, где у чудовища хранился боекомплект. Комбинированный выстрел ПГ-29В был в состоянии пробить куда более мощную защиту, чем сравнительно слабое место якобы непробиваемого танка. Только на результаты Александр не смотрел. Он проворно снарядил гранатомет новым выстрелом, вновь прицелился в остановившегося противника и запустил гранату на этот раз точно под башню. Надо же порадовать экипаж!

Грохот взрыва послужил сигналом. Заждавшийся своей очереди Коля тут же выстрелил по идущей перед танком БМП, целясь туда, где не имелось пластин динамической защиты. Чуть в стороне заработала автоматическая пушка единственной имевшейся в распоряжении Воронова бронеединицы. Тридцать миллиметров – невелик калибр, но и броня у «Брэдли» по бортам даже со всеми экранами далеко не танковая, вполне пробиваемая из обычного КПВТ, а не то что из автоматической пушки «двойки». Наверняка внутри машины сейчас было на редкость хорошо и приятно. Пользуясь случаем, Николай выстрелил еще раз, только чуть поторопился, а может, очередная бээмпэшка застыла некстати, и граната пролетела перед самым ее носом.

А вот экипажи остальных машин почему-то совсем не хотели разделить участь своих сослуживцев. Ответная стрельба началась фактически сразу, явно даже до того, как «гости» отметили точное положение засады. Разве что направление, но так не уничтожить, хоть подавить. Первым делом огонь открыли сидящие в десантах пехотинцы, а затем башни быстро развернулись и в дело вступили пулеметы и автоматические пушки.

Теперь весело стало на опушке леса. Снаряды и пули взрывают кустарник едва не сплошным потоком, заставляли вжиматься в землю, не давали поднять головы, не то чтобы стрелять. Однако когда кто-то из танкистов попытался вылезти из подбитого и загоревшегося «Абрамса», то полетел с брони уже мертвым.

Две бээмпэшки горели. Десанты и экипажи, вернее, те, кто из них уцелел, торопливо покидали машины, нарывались на пулеметный и снайперский огонь, падали или залегали, в полной зависимости от личной везучести каждого конкретного человека, зато стрельба из гранатометов по уцелевшим машинам стала практически невозможной. Попробуй, поднимись под снарядно-пулевым градом!

Если бы можно было выпустить гранату лежа!

Справедливости ради, в давние годы Александру довелось видеть на учениях, как один боец проделал такой фокус. Еще хорошо, что дело происходило зимой и вместо обычных штанов были ватные. Но сапоги улетели далеко, вату тоже про-

жгло, и боец напрямиком оказался в госпитале с ожогами. Хотя не слишком серьезными.

Ушедшая вперед бээмпэшка высадила пехоту и тоже открыла стрельбу. Даже последний танк развернулся и выстрелил по лесу из орудия. К счастью, больше наугад, и снаряд снес какое-то дерево чуть в стороне от засады.

РПГ у Александра был вновь снаряжен, но вместо него оставалось лишь полагаться на автомат и стрелять по залегшим солдатам противника. Да и не взять было последний «Абрамс». Ни с основной позиции, ни с запасной. Однако по полю откуда-то издалека вдруг протянулся дымный след ПТУРа, и танк содрогнулся от попадания.

Почти сразу концевая «Брэдли» развернулась и бросилась наутек. Зато другая попыталась пойти в атаку, съехала в дренажную канаву и чуть подзастряла там. Александр привстал, выстрелил по ней. Чуть со стороны почти одновременно полетела граната от Николая. Какая-то из них отрекошетировала, вторая взорвалась, а где и чья, в горячке боя было непонятно. Вдобавок слева вновь молотила родная «двойка», и победу можно было считать общей. Люди стали торопливо покидать подбитую бронеединицу, кто-то сразу упал не по собственной воле, однако кто-то и залег. Однако головная машина все еще стреляла, и пришлось залечь, откатиться в сторону, чувствуя, как падают на спину срезанные чужим огнем ветки. За мгновение до падения что-то сильно толкнуло в грудь, однако броник выдержал. Не то осколок, не то пуля

от «М16», главное, не пробило, и даже, кажется, ребра целы. Так, чуть болит, в меру. Значит, осколок. Пуля ударила бы сильнее, если не до перелома, то до серьезного ушиба.

Лишь чуть не долетев, разорвалась граната от подствольника, вновь не то пуля, не то осколок ударил по каске, к счастью, вскользь, а вот живы ли бойцы, даже не скажешь. Вальерка здесь, за соседним стволом, кажется, пока не задет, постреливает, только что выглядывал, смотрел на командира. Бээмпэшка замолкла, хрен знает, почему? Но с их позиции, ни с основной, ни с запасных, последнюю «Брэдли» не достать. И пулемет молчит. А вот чей-то «калаш» справа работает короткими очередями.

С вражеской стороны работает еще человек шесть-семь. И плюс те, у головной машины. С одной стороны, лежат на поле, с другой – там тоже хватает укрытий, да и у каждого явно имеется подствольник. Им вообще деваться теперь некуда. Пешком по полю не отступишь, поневоле приходится воевать ради спасения жизни и в расчете на подмогу. Или основная колонна подойдет, или поддержат авиация с артиллерией.

Последняя «Брэдли», та, что была головной, приняла часть десанта, одного из спешащих к ней пехотинцев удалось завалить Александру, другой неловко приподнялся и свалился еще под чьей-то пулей, и по широкой дуге на полной скорости устремилась назад. Башня повернута, пушка стреляет почти непрерывно, не столько в надежде гаранти-

рованно поразить кого-то, сколько не дать поднять головы, сбить прицел. Да и расстояние далеко за триста метров, просто так из гранатомета не попадешь.

Справа хлопнул разрыв, и сразу вскрикнул Валерка.

– Что?

– Кажется, зацепило.

На штанине бойца набухало пятно. Нет, сразу два пятна. Пора отходить. Два танка, три БМП – отличный результат, и несколько убитых врагов к нему ничего особого не добавят. А вот терять своих ребят не хочется. Сейчас как накроют артиллерией, и будет всем полный хароп, если вспомнить язык позабытых врагов.

– Перевяжись! – Александр выглянул, попробовал достать кого-нибудь из противников, однако автомат выплюнул одну пулю и замолк.

В разгрузке осталась последняя связка магазинов. Даже не заметил, как расстрелял две другие. Капитан зарядил «АКМ», передернул затвор, однако стрелять не стал. Извлек рацию, торопливо проговорил:

– Коробочка! Живы? Отвечайте, мать вашу!

– Живы. Но...

– Тогда тройка. Повторяю: тройка!

Тройкой договорились считать приказ к отступлению. Вместе с местом, куда полагалось отодвинуться бээмпэшке в ожидании остальных.

– Вас поняли. Тройка.

Теперь главное – выйти из боя. Александр осторожно двинулся чуть позади боевой линии. Комаров лежал на второй запасной позиции, кого-то старательно выцеливал.

– Жив, Комар?

– Что мне станется?

– Отходим.

– Зачем? Давай добьем!

– Сказал: отходим! Пока артиллерия работать не стала! И надо посмотреть, что с остальными.

С остальными было хуже. Николая лишь слегка зацепило в плечо, зато напарнику досталось за двоих. Рука еще ладно, однако и бронежилет был пробит. Боец был в сознании, следовательно, имел какие-то шансы выжить, только для этого требовалось срочно доставить его к медикам. И совсем не повезло пулеметчикам. Они так и лежали, Игорь рядом с ПК, Антон – чуть в стороне с зажатым в руках автоматом, лишь помощь им была больше не нужна. Разве что...

– Собирайте оружие, хватайте Саню и дуйте к броне. Я прикрою. Потом вернетесь, заберете ребят, – приказал Александр.

– Но ведь они... – начал было доковылявший сюда же Валерка и осекся под тяжелым взглядом командира.

Остальные приняли решение как должное. Лишь Комаров предложил:

– Давайте лучше я.

– Разговорчики! Выполнять! – Капитан уже взялся за пу-

лемет, перетащил его чуть в сторону и устроился поудобнее.

Коробка с лентой-соткой присоединена, однако сама лента не тронута, вместо нее пользовались другой, на двести пятьдесят патронов. Судя по вышедшему концу, на две трети она использована, но и оставшейся при стрельбе короткими очередями вполне хватит, чтобы удержать полдюжины, даже меньше, солдат на расстоянии минут на десять. Неприятель в атаку не стремится, бережет свои жизни, благо картинка на поле впечатляет.

Что-то в очередной раз ударило по каске, ушло рикошетом в сторону. Александр тоже не зевал. Одного из солдат ответная очередь, кажется, окончательно успокоила. В ПК же используется мосинский патрон, а он шейку рельсы пробивает. Это не легонькая пуля от «М16». Пусть последняя, убивает не хуже.

И, наконец, отход. Убитые в одном десанте, раненые – в другом.

– У нас пушку заклинило. Только починили.

– Бывает. – Капитан прикурил. – Поехали! Не хватало, чтобы тут накрыло!

Дорога намечена заранее, большей частью – под прикрытием леса, остальное – по широкой дуге, чтобы не видно было с магистрали.

И тут позади гроыхнуло. Больно ударило по ушам, в голове слегка зазвенело. Поздно. Пусть теперь уродуют лес! Уроды!..

Глава пятая

– Все! Не могу!

Бойцы достигли заданного рубежа и попадали, словно под пулеметным огнем. Даже воздух казался им чересчур густым, и легким не хватало силы, чтобы втянуть его внутрь. Снять бы нагруженную амуницию, но как?!

– Подъем! На бабах дома валяться будете! – рявкнул ротный. И вроде бежал вместе со всеми, не отлынивал, еще наматывал круги, то появляясь впереди, подавая пример и увлекая за собой, то огибая толпу и погоняя ее сзади, однако умудрялся выглядеть сравнительно бодрым, словно и не было долгого марш-броска.

Встать сумели немногие. Большинство даже не сразу поняло, что еще хочет от них безжалостный мучитель?

– Долго лежать будем? Встать!

Последнее слово было произнесено так, что бойцы понемногу оторвались от земли. Толку от них сейчас практически не было. Дыхание сбито, стоят и то еле-еле. Одно слово: вояки!

– И это – молодежь! – Ротный в сердцах сплюнул. – Зарубите себе на носу: слабые погибают первыми. Хотите жить, мужайтесь! Занять позицию! Отрыть окопы для стрельбы лежа!

Легко сказать: отрыть! Тут хоть подыхай, не сходя с ме-

ста! И все же начали ковыряться в земле. Неудобная вещь малая саперная лопата, если требуется что-то отрыть. Если же полного профиля, вообще...

– Бодрее! Кто так копает? Вы что, совсем ничего не умеете?

Они умели. Но каждый – в пределах своей профессии. Большей частью отнюдь не подразумевающей какие-нибудь физические нагрузки. А уж в подобных дозах!

– Ну и как ты тут поместишься? Или голову отстрелят, или зад. – Ротный шел вдоль «позиции», проверяя результат.

– Да сколько можно копать? – Серанцев едва выдохнул. Хотелось послать офицера подальше, только сил на крик не имелось.

– Не хочешь копать себе окоп, кому-то другому придется рыть тебе могилу, – пояснил ротный. – Других вариантов не имеется. Вон Худойбердыев молодец. Смотри, как устроился!

Представитель некогда братской азиатской республики, нелегальный мигрант, случайно попавший под всеобщую мобилизацию, в первый день роптал, частью на своем, не понятном никому другому языке, частью – на сравнительно понятном русском, но после первых разъяснительных бесед командиров терпеливо выполнял любой приказ, исходящий от офицеров и сержантов. Надо окоп – пожалуйста. Благо, на его счастье, начальство не допускало никаких неуставных отношений и зорко следило, дабы не разгорались конфлик-

ты.

Серанцев посмотрел в сторону Худойбердыева с неприкрытой ненавистью. Какого-то чурку ставят в пример! За ведомое быдло, существо второго сорта, какой-нибудь дворник, понятия не имеющий о высоких материях! Пусть самому отнюдь не хотелось быть примером в нынешних занятиях. Это же не служба, а сплошное издевательство! И не пожалуешься, не сбежишь! Угораздил черт!..

– Тут земля – только взрывать, – подал голос Сынок Максим.

– Вы что, думаете, вам кто-нибудь готовые окопы предоставит? Нянек тут нет, хотите жить, привыкайте ко всему.

– Нас кто-нибудь спросил? – Ладони Серанцева впервые покрылись мозолями, и это поневоле подталкивало к протесту. – С какой стати мы обязаны рисковать жизнью ради чьих-то политических игр? Меня вполне устраивала прошлая власть. Жили себе тихо, мирно.

– Которая? Законная или либеральная? Меня тоже никто не спрашивал, – отрезал ротный. Вступать в пререкания он не собирался. – Хотите выжить, учитесь. Другого способа нет. Или – стреляйтесь сразу, раз кишка тонка. Больше по-советовать нечего. Все. Отставить разговоры. Кто не выроет нормальный окоп сейчас, будет копать после занятий. Ночью. Сержантам проследить выполнение приказа и доложить через пятнадцать минут.

– Блин! Ничего, вот расскажу папашке, – Максим сплю-

нул, однако принялся с усердием копать. – Выдумали прикол, чтоб их!

– Ты чего? – Серанцеву захотелось организовать подобие забастовки, а тут сразу предательство.

– Да спать ночью буду. Думаешь, шутил? Мне ночью дополнительно пахать не хочется. Я не лох и не лузер.

Представилось, как во время отбоя придется махать лопатой. И дух противоречия угас. Если всем вместе, тогда есть шансы настоять, переломить ситуацию в свою пользу, а в одиночку ничего сейчас не сделаешь. Особенно – после того, как сегодня утром часть роты направили в какое-то другое подразделение, а сюда направили настоящих добровольцев. Вроде молодые ребята, только к обязанностям относились серьезно. Даже дали понять: попытки бунта будут подавляться в зародыше. С учетом того, что новоприбывшие были дружны и выступали коллективом, в заявку верилось.

Тут же за спинами замаячил сержант, и Серанцев выругался, но взялся за лопату. Ладони горели, ныли натруженные мышцы рук, и вообще, хотелось умереть, только не копать дальше. Только куда теперь с подводной лодки денешься?

Но выкопал все-таки, и даже взводный придирается особо не стал. Так, по мелочи. Зато после рытья объявили краткий перекур, и ополченцы смогли некоторое время наслаждаться относительным покоем.

– Надо как-то деру дать.

– Куда? – Максим лишь вздохнул. – Отсюда не убежишь. Эх! Мне бы хоть один звонок папаше сделать! А там он вытащит! Без всяких приколов.

Легко сказать. Мобильная связь все еще не действовала, а обычные телефоны если и работали, так только в штабе, куда рядовых бойцов не пускали.

– Но что-то делать надо!

– Ждать. Больше нечего. Должен же подвернуться случай! А так только попадешь на заметку и вообще шаг в сторону не сделаешь.

Молодые люди не курили, в полном соответствии с новой общеевропейской и либеральной политикой, и теперь просто лежали прямо в отрытых окопах да тихонько переговаривались между собой.

– Когда он подвернется? – Серанцев спросил излишне громко и сразу добавил значительно тише: – Они же все жилы из нас вытянут!

– Быть не может, чтобы не подвернулся! – убежденно отозвался Максим. Тоже тихо, чтобы не услышали сидевшие в кружок курильщики, или – отдельной группой – некурящие добровольцы. – Главное – быть готовым. Пусть лохи воюют. И на хрена я в этот клуб поперся? Уж ко мне домой вояки точно бы не заявились!

Максима действительно взяли прямо из развлекательного заведения. Был бы он там с какой-нибудь знакомой девицей, иное дело. Она бы позвонила родичам, а уж те подключили

связи, да увы! Пошли вдвоем с приятелем, обоих и загребли. Как и многих посетителей мужского пола. Только приятель попал в другую роту. Народу в клубе вообще оказалось мало, знакомых – и того меньше, а девицы – разве из тех, кого с родителями знакомить не станешь ни при каком раскладе, да и номера телефона не дашь. Но все-таки, хотя Максим жил отдельно и частенько пропадал из поля зрения отца, имелся некий минимальный шанс, что тот, прослышав про мобилизации, решит вдруг проследить судьбу единственного отпрыска. Вот только когда это будет? Так действительно придется поджидать удобного случая. Но пока разрешат выйти из лагеря... Тут Серега прав, загнуться вполне реально.

– В Москве меня бы тоже не взяли, – чуть приврал Серанцев. Каждому хочется казаться чуть круче, чем он есть на самом деле. Хотя, может, родители бы и отстояли сыночка, как отмазали его в свое время от армии. Не совсем простые люди. Впрочем, столица вообще представлялась сейчас сидмину неким оазисом нормальной жизни, в которой никто и никогда не сумеет заставить гражданина делать то, что ему не нравится.

– Перекур закончен! Строиться!

– Блин! – Максим едва оторвался от земли. – Что за прикол придумают опять?

Много чего. Когда это в армии давали солдатам бездельничать? Солдат без работы – преступник. Да и пройти курс молодого бойца за несколько дней – тут поневоле будешь то-

ропиться научить всему. Военные науки – науки нелегкие.

Вдалеке маленькие и совсем не страшные от расстояния дымили вражеские танки. Вернее, как успел узнать каждый даже не слишком сообразительный от интеллигенции боец, два танка и три боевые машины пехоты. Картинка радовала глаз. Куда-то даже исчезло напряжение перед возможным боем. Вроде только что противник казался грозным, и тут убедительный разгром прямо на глазах, пусть даже с последующим нанесением ответного удара по месту засады. Но кое-кто с далекого фланга успел заметить отходящую бээмпэшку, и новость мгновенно пронеслась по растянутой цепи. Успели наши, прорвались! Мысль о возможных потерях просто не пришла в головы. Ни одного выстрела по основной позиции пока не прозвучало, ополченцы не успели познакомиться с самой грозной стороной войны. Они выступили, словно зрители в ответственном спортивном матче, и понятно, теперь радовались главному: мы победили!

– Здорово мы им врезали! – возбужденно проговорил Максим, поворачиваясь к Серанцеву.

– Будут знать! – Сергей тоже испытывал нечто похожее на подъем. Как-то забылось: победа не окончательна и главный бой еще впереди. Или нет? Раз отгребли здесь по полной, так, может, больше не полезут в лоб, а попытаются нанести удар в другом месте?

– А вы боялись! – присоединился к восторгам Денис. –

Заметили, что мы не одни? Как наши откуда-то справа по ним ПТУРом врезали!

– А ведь точно, – сообразил Максим. – Я прежде и не понял, что за прикол, блин! Какая-то ракета несется над землей... Так это и есть ПТУР?

– Он самый, – убежденно подтвердил пулеметчик, хотя и сам за службу в армии никогда не видел пуска противотанкового управляемого снаряда. Однако чем еще это могло быть?

– А из чего им стреляют? – Откуда было Максиму знать, если в армию он попал впервые, да и не интересовало его никогда подобное оружие. В крайнем случае – какой-нибудь пистолет.

– Можно с БМП, из танка, с установки, – перечислил Денис. – Даже с «вертушки».

В любом случае произошедшее означало, что роты не одиноки, и новость согревала сердца. Что может быть приятнее для пехотинца, чем поддержка серьезными огневыми средствами? Только полное отсутствие войны да долгожданный дембель. Но до обоих главных радостей было еще далеко...

Над головами грозно проревело. Что-то пронеслось в сторону противника. Явно не слишком маленькое, оставляющее дымный след. Одна, вторая, третья, а дальше поневоле сбиwaешься со счета, очень уж быстро пролетает это «нечто».

Ракеты скрылись за горизонтом, а затем земля чуть вздрогнула, и уже спустя секунды пришел напоминающий раскаты грома грохот.

– Что это? – ошарашенно спросил Сынок.

Вопрос, разумеется, был задан Денису, словно на срочной службе тот обязан был узнать все о самом разнообразном оружии.

– Ракеты какие-то. Кажется, – не слишком уверенно отозвался пулеметчик. – Что-то типа «Града».

Откуда ему было видеть в действии систему залпового огня «Смерч», оружие армейское, отнюдь не бригадное. Дальность действия – девяносто километров, только по важным целям и бить. Если сумеешь хоть как-то наладить корректировку. А не сумеешь – бей ближе. Или используй дальнобойность и стреляй из глубокого собственного тыла.

Грохот разрывов впечатлял. Даже по солидности взрывов с учетом расстояния можно было представить – если ракеты достигли цели, противнику придется несладко.

– Так их, сук! Пусть знают! – восторженно прокричал Денис.

Серанцев тоже заорал было нечто радостное, словно родная команда вдруг забила решающий гол, но неожиданно в голову пришла отрезвляющая мысль:

– Слушайте, а если это эта самая, как ее, артподготовка? Мы что, в атаку пойдем?

Вспомнились кадры из какого-то случайно увиденного фильма про войну. Смотреть такие Сергей не любил, предпочитая всякие романтические истории с принцессами и мечами, благо сам был ролевиком, во многом – под влияни-

ем подруги, потому не запомнилось ни название, ни сюжет. Лишь страшные кадры – пехота бежит по полю с винтовками, а по ней безжалостно лупят из пулеметов и орудий. И люди падают, падают, падают, но безжалостные командиры все гонят и гонят несчастных солдат на убой.

– Какая артподготовка? – возразил Денис. – Ты думай, прежде чем говорить! Тогда бы и задачу нам другую поставили, и технику дали. Да и куда бежать? Вперед до упора, покуда врага не встретим?

Но Серанцева уже потихоньку грызла тревога. Вот как примчится сейчас ротный с пистолетом да начнет подталкивать вперед! И что тогда делать? Может, притвориться, что ногу вывихнул? Не бежать же под пули! Нашли дурака!

– Как настроение? – Голос сзади едва не заставил подпрыгнуть.

Это был не ротный, а всего лишь чуть полноватый старшина с армянской фамилией. Тот самый, который выдавал ополченцам форму и оружие.

– Вроде ничего. Товарищ старшина, мы в атаку пойдем?

– С чего взял? Какая атака? Приказ дан: стоять! Сухпай съели? Кухня будет, но ближе к полудню.

– Кое-что пока осталось. – Съесть все сразу, может, и не было проблемой, только времени столько не имелось. С утра позавтракали, не заморачиваясь подогревом, самым питательным – тушенкой, а всякие каши с мясом, пюре и прочее оставалось в упаковках.

– Тогда – молодцы!

– Разрешите вопрос? Наши как? – подал голос Денис.

Речь шла о вернувшейся засаде, и старшина сразу понял, о чем речь.

– Что наши? Хорошо наши. Видали, сколько бронетехники сожгли? – Маловыразительное лицо Сурена не дрогнуло. Говорить о потерях бойцам контрактник не стал. Зачем пугать неопытных парней? Успеют еще в штаны накласть. – Не дрейфить! У соседей противотанковый взвод расположился. И артиллерия в тылу имеется. Так что все нормально. Продержимся до вечера, а там сменят.

– Продержится он! Крыса тыловая! – ругнулся Максим, когда старшина ушел дальше вдоль линии. – Еще и сэкономит за счет убитых! Знаем мы выходцев с гор! Хуже евреев! Паек-то небось на следующий день уже получил, лишь жмотничает.

Привыкшему к иной пище парню не хотелось греть всякие банки. Куда проще – тушенка. Открыл да съел. Да и несправедливо – кто-то будет воевать, а кто-то – консервы подсчитывать.

– Раз кухня будет, можно смело пожрать, – заявил Денис.

Завозился в рюкзаке, выбирая, извлек банку и таблетку сухого спирта.

– Вы наблюдайте пока, а я чуть отползу. Или кто со мной?

Максим вдруг понял, что тянет хоть что-то сжевать, но не

кашу же! Хорошо, осталась баночка с фаршем, с галетами вполне съедобно.

– Слушай, как ты можешь? – спросил Сергей. – Тут того и гляди начнется, а тебе нипочем.

– Может, не начнется? Да и жрать охота! – Сейчас мало что напоминало в Максиме представителя «золотой» молодежи. Даже речь стала другой, более простой, практически без сленга.

– Угу. Свежо предание. – Возбуждение окончательно покинуло Серанцева, и снова стал накатывать страх.

– Главное – чтобы еда не портилась. – Баночка закончилась почти мгновенно. Только что была, и вот в ней уже ничего нет. Может, точно присоединиться к пулеметчику да развести небольшой, на одну таблетку, костерок?

И тут издалека прилетел гул моторов, и по цепи вздохом пронеслась тихая команда:

– К бою!

– Где? – Денис торопливо оказался на своем месте, вцепился в пулемет, поводил стволом, выискивая пока невидимую цель.

Живот Сергея заурчал, принялся упорно намекать, мол, надо бы облегчиться, однако странное чувство приковывало недавнего сисадмина к месту, заставляло до рези в глазах вглядываться в даль.

Кажется, около переставшей дымить техники появились крохотные, едва видимые фигурки.

Тишина вдруг стала густой, физически ощутимой, и вдруг разорвалась стрельбой. Только не здесь, а слева, где располагалась соседняя рота.

Началось...

Глава шестая

Странно, буквально рядом кипит бой, а тут, в минутах даже не бега – обычной ходьбы, некое подобие покоя. Настолько относительное, ведь если не летают пули, это не значит, будто все оглохли и не слышат треска автоматов, порою – взрывов, или уханья крупнокалиберного пулемета. Тем не менее прямиком по дороге наученный горьким опытом противник не шел, даже вдоль нее не пытался, и целей для роты не было. Помогать огнем соседям, почти не имея шансов достать, – только раньше времени обнаруживать позицию.

Внешнего впечатления атака не производила. Не было прущих, невзирая на потери, толп. Реденькая цепь, не столько даже перебегающая, сколько залегшая, лишь изредка то один, то другой солдат вскакивал, делал несколько шагов вперед и чуть в сторону, и сразу падал. Чаще же – просто переползал. Надвигающейся грозной брони тоже не наблюдалось. «Брэдли» застыли у самой кромки далекого леса, изредка постреливали из-под прикрытий деревьев. Кажется, там же были и танки. Во всяком случае, раз в несколько минут тяжело бухало. И, разумеется, пару раз работали минометы.

Вот еще подальше, где занял позицию третий батальон, гремело куда грознее. Главный бой наверняка шел там, здесь так, прикрытия фланга, или нечто в этом роде. До участка

же Громова пока вообще у противника руки не дошли. Хотя, вроде, дорога, обязаны были переть. Только явно побаиваются повторения утреннего разгрома.

– Смотри!

Где-то слева заходили на цель «вертушки». Две штуки, судя по силуэтам, явно не русские. Вот от них потянулись дымные следы НУРСов, а куда били ракеты, отсюда не видать. Зато ответный ход можно было рассмотреть в его мимолетных подробностях. Если успеешь и не моргнешь. Дымная полоса, и сразу взрыв прямо в воздухе с последующим дождем из обломков. Уцелевшая «вертушка» нелепо закружилась, словно собираясь рухнуть вслед за подругой, Зацепило ли каким осколком или виновата взрывная волна, крепко же полыхнуло, даже душа возрадовалась, ополченцы толком не поняли. И понять не могли. Они же не летуны, о всяких повреждениях вертолетов если и слышали, то в виде сплетен и фраз из фильмов.

Но – выровнялась. Даже стала отворачивать, стараясь уйти подальше от опасного места, и вдруг резко завалилась на бок и рухнула вниз.

– Есть две!

– Не высовываться! Соблюдать маскировку!

Команда прозвучала вовремя, иначе кое-кто повыскакивал бы на открытое место, чтобы вволю поорать и приветствовать двойную победу зенитчиков.

– Как думаешь, почему на нас не прут?

– Сплюнь. И по дереву постучи, пока их вокруг полно, – ответил Александр ротному. – Чем позже ударят, тем для нас лучше. Вон, говорили: у противника поддержки с воздуха практически нет. Так кого наши доблестные пэвэошники только что завалили?

Старлей послушно сплюнул и постучал. Он прекрасно понимал: успех засады лишь тактический и не способен кардинально повлиять на общий исход боя.

– Но все-таки, здесь дорога...

– Думаешь, они не знают о нашем существовании? Другое дело, пока понятия не имеют, какие силы стоят против них. Знали бы, давно раскатали нас к чертовой матери. А почему... Кто их знает? Может, думают, будто мы здесь особенно сильны. Как и положено на самом опасном направлении. Может, хотят обойти и выйти в тыл. Причин может быть столько... Наше дело: приказ выполнить, а об общем положении, чужих и своих ходах пусть пока головы у начальства болят. Нам бы лучше персонального арткарректировщика для полного счастья!

Капитану вспомнилась далекая уже война, где представитель артиллерии находился при каждой роте. Теперь-то он был один на батальон и состоял при комбате.

Канонада слева чуть сдвинулась к тылу.

– Обходят? – уловил ротный.

– Пока еще нет, – Александр привычно извлек сигарету. – Пока лишь прогрызают нашу оборону. С некоторым успе-

хом, но без особого воодушевления. Отвыкли воевать все-речь, на наше счастье. Мы, впрочем, тоже. А вон, смотри. Кажется, сейчас начнется.

Среди подбитой техники появилась целая бээмпэшка. Возможно, какая-нибудь разведывательная модификация. Да и лес, послуживший местом для недавней засады, судя по всему, был уже зачищен и занят противником.

– Сейчас бы долбануть хорошенько по нему артиллерией! – Закурить капитан все не решался. – Пока по нас долбить не стали.

Сказал и как накаркал. Земля вздыбилась с небольшим недолетом. Следующий снаряд упал дальше, где-то в лесу. Классическая вилка, если целились по опушке. А затем загремело почти без перерывов. На счастье, в основном в глубине, словно на той стороне решили: враг оттянул свои силы, укрыл их и выдвинет только непосредственно перед атакой. Да и наверняка там преувеличивали количество противостоящих им войск.

Однако среди обычной стрельбы прозвучала и иная. Что-то с шелестом упало на поле, и оно в ответ украсилось многочисленными фонтанами разрывов. Минного поля больше не было. Во всяком случае, в обычном значении. Может быть, где-то уцелела мина-другая, да разве это преграда?

Огневой налет длился недолго и стих так же внезапно, как начался. Мгновение назад грохот больно бил по барабанным перепонкам, и вдруг наступила звенящая тишина.

– Пойду, посмотрю, как бойцы, – Александр помотал головой. – С непривычки могут и труса праздновать. Может, успею, пока не началось.

– Иди.

Капитан все же закурил на ходу. Шел он весьма умело, не колебля ни одной ветки и ни на миг не появляясь в зоне видимости вероятных наблюдателей.

– Как дела, орелики? Целы?

– Кажись, – отозвался Денис. – Но разок рвануло почти перед нами. Вон воронка. Еще дымится. А воняет...

– Воняет ерунда. Запахи ощущаешь, значит, жив. А жив – полный порядок. Главное, спокойствие. И не обнаружить себя раньше времени. Сейчас вылезут, и будет наш ответный ход. Ничего, массой нас давить не станут. Отобьемся.

– Ему легко говорить. Не иначе, заговоренный, – Серанцев сплюнул. Невыносимо тянуло удрать отсюда, скрыться в чаще, да ведь не скроешься.

– Может, и мы тоже? – подмигнул пулеметчик. – Все снаряды легли с перелетом. А и те, что с недолетом, тоже мимо. Даже прицел толком взять не сумели...

Он был неправ. Подальше взрывом накрыло двоих. Один умер сразу, вряд ли даже осознав свою смерть. Зато другой еще дышал, да только потихоньку кончался, и вытаскивающие человеческий обрубок бойцы с ужасом смотрели, насколько непрочная штука: жизнь.

Но в целом можно было считать, обошлось. Могло быть

хуже, причем, настолько, что даже думать об этом не хотелось. Да и некогда думать.

Из противоположного леса показалась редкая цепь. Человек пятьдесят с положенными интервалами не шли, перебежали, залегали, прикрывали друг друга. Следом за ними показался десяток БМП. Все тех же «Брэдли», а в промежутках между ними – пара танков.

– Без команды не стрелять!

Опушка по-прежнему молчала. Словно не было здесь никого.

Максим вцепился в автомат, как утопающий в соломинку. В фильмах было несколько иначе. Там враги шли густыми толпами, и можно было валить их рядами. А тут... От солдата до солдата метров десять, а то и все пятнадцать. Да и один перебегает, соседи в это время лежат. И далековато, еще не очень попадешь. На мушке – крохотный силуэт. Прицелился, а он уже упал, прижался к земле. И броня позади, пусть не двигается, зато башни шевелятся, и стволы пушек так и вынюхивают цель.

– Ну, вот. А ты боялся, что на твою долю подвигов не достанется. Век бы их не видеть! – Александр чуть нервно поглаживал автомат. Пулемет он уже давно отдал. Не дело командира пользоваться в бою тяжелым оружием. Тогда на управление людьми времени не останется.

– Это точно. После первых выстрелов так долбанут... – Ротный с ненавистью глядел на боевые машины. Гранатоме-

том не достать, а больше в распоряжении ничего годного не было. На всю роту – один крупнокалиберный пулемет. Может, удастся пробить тоненькую броню «Брэдли», а может, и нет. Последнее скорее. Если бы еще в борт, да с небольшого расстояния, то крохотный шансик бы был. Зато в ответ подавят сразу. Это стрельбу автомата можно не заметить. «Утес» – штука солидная. Прошлый раз соседи били ПТУРом, но это уже был прямой приказ комбата. Помогут ли сейчас или будут воевать лишь с теми, кто перед ними, – тоже вопрос.

– Товарищ старший лейтенант! Вас. – Сидевший чуть позади радист сунулся к офицерам.

– Комбат. Легок на помине. – После разговора ротный несколько повеселел. – Говорит, по броне отработает артиллерия. Наше дело – только пехота.

– Тогда я бы вообще не лез, – буркнул капитан и улыбнулся. – Без поддержки они вперед не пойдут. А пока мы молчим, не узнают, есть здесь вообще кто или только корректировочный пост?

– Угу. Только комбат не уточнил, когда боги войны начнут свои забавы.

– Подождем. Нам спешить некуда. Пока мы здесь, позиция держится. А с выстрелами или нет, дело десятое. Без стрельбы даже лучше. Так ведь и слух потерять недолго, – Александр уже вновь выглядел привычно-спокойным. Он даже закурил, старательно пряча сигарету в рукав.

Первыми не выдержали нервы на той стороне. Одна из

«Брэдли» выдала очередь, и с деревьев полетели подрезанные ветки. Заметил ли кого наводчик или просто бил для острастки, чтобы не стоять мишенью, кто его знает?

Следующим выстрелил танк. Снаряд ударил по опушке, вздыбил землю, и опять на какие-то секунды все стихло.

Кое-кто из наступающих пехотинцев тоже выпустил по несколько пуль в сторону леса, только после грохота танковой пушки это совсем не впечатляло.

– Да где эти боги войны? Спят, что ли? Самое время, пока мы не ввязались в бой. – Капитан долго всматривался в бинокль, а потом выдохнул: – Кажется, есть.

– Что есть?

– Командир у них. Если не ошибаюсь, вон тот, чуть позади. Сейчас Комару скажу. – Бывший уголовник расположился не так далеко от КП. – Эх, как не было у нас нормальной связи, так и сейчас нет! Вот как долбанут для профилактики из всех стволов, и что будем делать?

Сказал как в воду глядел. Атакующая цепь залегла, и в ту же минуту автоматические пушки бээмпэшек замолотили по опушке. Это была не прежняя одинокая очередь. Стреляли все, и даже самые смелые из ополченцев вжались в окопчики, а кое-кто уже попытался отползти. Ну, и кому-то не повезло, не без этого. Конечно, двадцать пять миллиметров – не бог весть какой калибр, крупное дерево не снесет, а вот человека убивает легко. Отрывает руки, ноги, головы, превращает в кровавое месиво – в зависимости, куда попадет. И

даже нет единственной радости солдата: умирая, убивать в ответ. Что сделаешь обычным автоматом против застывшей вдалеке бронированной туши? Даже из пулемета не достанешь.

Максим скукожился на дне, благодаря судьбу, что не поленился, выкопал себе убежище на славу. Серанцев, напротив, попытался вскочить, но рядом что-то просвистело, врезалось в ствол и лишь каким-то чудом не задело ополченца. Зато вместо бега Сергей сразу упал, прикрыл голову руками, будто руки были покрыты броней, а не рукавами формы.

– Да спят эти боги?! Либераса их мать через тридцать три колена! – Александр выругался. Впрочем, не забыв сразу после этого сделать торопливую затяжку.

Ближе к выстроившейся бронетехнике земля украсилась разрывами. Тут был другой калибр, сто пятьдесят два, не меньше, и теперь все удовольствие досталось только что чувствовавшим себя хозяевами положения экипажам. Стрельба со стороны машин почти сразу утихла. Достать далекую артиллерию не могли бы и танки. Где расположились пушкири, за сколько километров, что им расстояния при дальнобойности орудий?

Зато неожиданно ринулась в атаку пехота. Сзади нее разверзся ад, и оставалось одно: нестись вперед, хотя и лес не мог быть надежной защитой от неожиданного обстрела.

Никто не подавал команды. Те из ополченцев, кто сумел сохранить дух, приподняли головы, увидели врага и взялись

за оружие. Тут сработало все сразу, и едва вдолбленные рефлексы, и у кого-то страх узреть неприятеля вблизи, и – у многих – элементарная злость. Вы нас, мы – вас. Получите и распишитесь!

Услышав рядом уже знакомую трескотню автоматов, разбавленную пулеметным лаем, опомнились и другие. Даже Максим распрямылся, выглянул и дал очередь в сторону бегущего вражеского солдата. Против ожидания, противник не упал. Вернее, он залег, только чуть позже вроде бы, несколько раз выстрелил в ответ и тут же вскочил, подгоняемый грохотом с тыла.

– Получай! – Максим надавил на спусковой крючок. «Калашников» повело в сторону и вверх, пришлось сделать секундную паузу, прицелиться и открыть огонь опять. Снова без какого-то результата, если не считать за таковой холостой щелчок. Значения нового звука Максим прежде не понял, нажал на спуск вновь, но на этот раз затвор даже не дернулся.

Еще одна попытка. Прежний результат. Мелькнула паническая мысль: «Заело!», и Сынок в некотором изумлении посмотрел на расхваленный сверхнадежный, по уверениям, автомат.

Что же делать? Ведь подбегут и убьют. Не посмотрят, чей ты сын и сколько тебе сейчас лет.

Рывок затвора. Только не вылетела, как положено, гильза. И вдруг до Максима дошло, что в магазине всего лишь закончились патроны.

Пальцы чуть тряслись, когда тянули новый рожок из разгрузки. Все же совладал, вставил на место использованного. Краем сознания отметил: Серега молчит. Убили? Никаких переживаний по этому поводу, пока констатация факта. Зато грохочет пулемет в руках Дениса. Намеченный мишенью противник вдруг нелепо взмахнул руками, отлетел, упал на спину и больше не шевелился.

Ничего. Вон еще один вскочил. Максим прицелился, а солдат уже пробежал десяток метров и залег. Что-то врезалось в ветку над головой. Должно быть, в обмен на напрасно прозвучавшую очередь.

— Ах, так! — Буквально каждой клеточкой хотелось попасть, достать лежащего неприятеля свинцом. И, главное, даже видел, как пули вздыбили фонтанчики неподалеку, но ушли в сторону.

Вновь заговорил пулемет. Солидное оружие для уничтожения ближнего своего. И дальнего тоже. И тоже не достал. Солдат приковал к себе все внимание Максима, даже продолжающаяся работа артиллерии воспринималась отстраненно. Лишь мельком сознание отметило, что какая-то машина горит, а другая вообще разлетелась от прямого попадания. И, кажется, пятятся другие. Не все, и все же...

Нет, вон точно: «Брэдли» развернулась, рванула прочь, но сразу залетела носом не то в яму, не то в воронку, и нелепо задрала вверх корму.

Очередь. Да что этот гад, заговоренный? Сколько до него?

Ах, да! Надо же целик переставить. Или не надо? Пули ведь ложатся рядом. Лишь не попадают в мерзавца. Лежит, головы не поднимает. Прикидывается мертвым. Ничего. Сейчас притворяешься, потом сказка станет былью. В смысле, притворяться будет не надо.

И вдруг стало потише.

Разумеется, ополченцы продолжали стрелять, однако уже не так интенсивно, врагов стало намного меньше. Просто затихла канонада. Артиллеристы выпустили отведенную норму снарядов, корректировщик сообщил о результатах, теперь можно передохнуть. Вон, даже один из танков стоит, своротив башню набок, а уж бээмпэшек не сосчитать. Штук пять точно остались на прежней позиции. Или шесть? Ладно.

Теперь так и не добравшие до заветного леса пехотинцы вперед уже не рвались. Те, кто уцелел, разумеется. Подстреленные не рвались вообще никуда, валялись, как полагается мертвым, или еще трепыхались, если смерть подзадержалась чуток, и лишь расположилась рядышком в ожидании. Оставшиеся в живых старались уползти назад, кое-кто даже рисковал, совершая перебежки. Или надеялись: в спину стрелять не станут? Почему бы не выстрелить? В спину даже удобнее. Главное – попасть.

А тот, притворявшийся, похоже, совсем не притворяется. Вон, дернулся от пулеметной очереди, но совсем как неживой. Пуля-то винтовочная, нормального калибра, бьет сильно. Мертвые вздрогнут.

И вдруг Максиму постыдно-мучительно захотелось посмотреть, что с Серегой. Нет, ясно, убило бедолагу. Или ранило. Но куда? Ну, не доводилось еще сыночку богатенького отца видеть убитых в бою. Интересно, как это выглядит?

Желание оказалось сильным, а отказывать себе Максим не привык. Покинул окопчик, подполз, ума хватило не вставать, перевернул тело приятеля и наткнулся на полный ужаса взгляд.

– Так ты живой? – Вряд ли Серанцев уловил в голосе разочарование. Он был в том состоянии, когда всякие оттенки элементарно не воспринимаются. Едва сумел понять, что стрельба стихла, и этого и то много.

– Кажется... – Сисадмин осторожно провел руками по телу, проверяя, нет ли страшных ран. Даже не болело ничего. И руки целы, и ноги, и голова...

– Так ты что? – До Максима стало доходить. – Ты, по приколу, струсил?

Он словно забыл, как недавно вжимался в землю да молился неведомым богам.

Серанцев не отвечал. Из кустов показалась голова Дениса. Пулеметчик глядел с любопытством, и Сергей потихоньку стал терять белизну.

– Струсил, да? Вот номер!

– Ничего не струсил. Оглушило меня. Может, даже контузило.

– Контузило его! – И Максим неожиданно для себя рас-

хохотался. Не потому, что было смешно. Организму требовалась разрядка, и что может быть лучше смеха?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.